

Новая Польша 9/2016

0: Польша на периферии Евросоюза

— **Брексит — и что дальше?**

— У Великобритании нет плана, что делать с решением, которое приняли ее граждане, что делать с растущим напряжением в Шотландии и Северной Ирландии, каким образом вести переговоры с Европейским союзом. В ЕС царит хаос, потому что это первый случай, когда процедуры, предусмотренные ст. 50 Лиссабонского договора, будут действительно запущены. Вдобавок антиевропейские движения во Франции или Голландии воспользуются этим благоприятным для них ветром и предпримут усилия, чтобы разыграть свою карту. Во Франции приближаются выборы, на которых госпожа Ле Пен может получить очень хороший результат.

— **В 2017 г. выборы состоятся также в Германии.**

— Партия «Альтернатива для Германии» может добиться на них результата, выраженного двузначным числом, и приблизиться к уровню немецкой социал-демократии. Нас ожидает серьезнейший хаос и Европа трех скоростей. Это понятие ввел в обиход лидер недавно созданной в Польше партии «Современная» Рышард Петру, сказавший: «Первой скоростью будет еврозона. Второй — страны, которые не используют евро, но близки к этой зоне и тесно сотрудничают с ней, например, такая страна, как Дания. Третья скорость окажется почти на обочине, это Польша и Венгрия». — Здесь и далее прим. пер.

— **Как будет проходить это разделение ЕС?**

— У шестерки учредителей Евросоюза, иными словами, у Франции, Германии, Италии и стран Бенилюкса, есть такое чувство, что они — депозитарии данного проекта, и от них зависит удержание ЕС в незыблемых рамках, поэтому они не проявят готовности к далеко идущим уступкам либо компромиссам. Далее, существует еврозона, иначе говоря, 19 стран, которые должны сотрудничать между собой, так как это — условие их стабильности и развития. Ну, и будут возникать европейские окраины — периферия, где окажутся Польша, Чехия, Венгрия, Болгария, Румыния.

— **Не очень оптимистический сценарий.**

— Оптимизм можно черпать из того, — но это скорее возможность для вас, чем для меня, поскольку не знаю, доживу ли я до этого времени — что через каких-нибудь 15 лет даже британцы придут к выводу, что единственный шанс для европейского континента состоит в интеграции. Огорчает меня лишь то обстоятельство, что за этот очевидный для меня вывод предстоит расплачиваться большими издержками — потерей времени, денег и — не дай Бог — европейскими конфликтами.

— **Ярослав Качинский выступил с предложением нового союзного договора, но Беата Шидло не упоминала ни о чем таком в ходе недавнего саммита лидеров ЕС.**

— Премьер-министр Шидло ведет себя намного более прагматично, чем председатель «Права и справедливости». И это хорошая новость. Подобным образом обстояли дела и в случае иммигрантов или климатической конференции. По моей информации, которая исходит изнутри Евросоюза, премьер-министр Шидло воспринимается там как политик предсказуемый. Во времена хаоса это несомненное и ценное достоинство.

Внесение в данный момент на рассмотрение нового договора стало бы только углублением нынешнего хаоса. Первым делом нам необходимо взять под контроль ситуацию, в которой оказался ЕС, обсуждение нового евросоюзного договора — дело будущего. Сегодня говорить об этом слишком рано.

— **Почему еще не пришло время для нового евросоюзного договора?**

— Нет никакой возможности, с одной стороны, проводить Брексит, который неизвестно как должен выглядеть, с другой — внимательно отслеживать конфликт на Украине, а с третьей — вести требующие времени переговоры о европейском договоре. Такая неуверенность может закончиться катастрофой. Нам следует начать с решения вопроса о Брексите.

Вся Европа нуждается в совместной политике в таких сферах, как безопасность, энергетика, отношение к иммигрантам и терроризму, а также в общей политике по отношению к Америке, России и Китаю.

— **Одним словом, в супергосударстве?**

— Это не супергосударство. Идеей супергосударства злоупотребляли в предшествовавшей референдуму британской кампании, она касается такого видения Европы, которое мы сегодня не в состоянии представить. Я не знаю, как будет выглядеть Европа через 30 лет; быть может, тогда вопрос о супергосударстве не будет вызывать таких эмоций.

— **Возвращение к национальным государствам?**

— У нас имеются сейчас национальные государства, которые должны отдавать себе отчет в том, что в современном мире многие из проблем невозможно разрешить иначе, нежели совместно. Никто не требует, чтобы совместно устанавливать, как должна выглядеть система обучения или здравоохранения; даже налоги не

охватываются единой совместной политикой. Но вместе с тем ни один разумный человек не может сказать, что борьба с терроризмом или климатическими изменениями может вестись в рамках национальных государств, поскольку в таком случае мы никогда с этим не справимся.

— ***Каким образом должно выглядеть выстраивание отношений с Россией в рамках национальных государств?***

— Европейский союз попросту обязан предложить новые взаимоотношения государства с обществом. Он обязан намного более прозрачно показывать, что именно он делает и на чем основывается. Иначе нами будут манипулировать все, кто неприязненно относится к Евросоюзу: Россия, мечтающая лишь о том, чтобы ЕС провалился в преисподнюю, а также средства массовой информации, у которых не хватает терпения углубляться в подобные проблемы.

Я согласен с одним из польских европарламентариев, сказавшим, что если главным обвинением в адрес Евросоюза, который на протяжении последних 70 лет спасал Европу от войны, выдвигается тот факт, что в нем дискутируют о кривизне банана, то в общем и целом кривизна банана — это гораздо меньшая причуда, чем развязывание очередных войн.

— ***Ослабляет ли политика Пис Европейский союз?***

— Это явная цель ПИС.

— ***Политики этой партии боятся, что не хотят выхода Польши из ЕС.***

— Если Пис хочет более сильной позиции национальных правительств и меньшей роли Брюсселя, то иначе не получится. Мол, по вопросу денег должны делаться единогласные выплаты тем странам, которые нуждаются в средствах, а вот вопрос нарушения демократических принципов — это наше дело, и сюда не вмешивайтесь? Так не получится. Мы выступаем за европейскую солидарность, когда речь идет о помощи нашим государствам, например, в вопросах безопасности, но когда речь заходит о помощи тем странам, которым угрожают иммигранты, то на нас просим не рассчитывать, потому что в подобном случае европейская солидарность уже не действует.

ЕС не может быть чем-то вроде меню в ресторане, откуда мы выберем то, что нам по вкусу, а остальные блюда пусть едят другие. Евросоюз основывается на солидарности. Если Польша ее нарушит, то последствия этого окажутся плачевными.

Большинство поляков хорошо себя чувствует в Евросоюзе и не хочет оттуда выходить. Количество тех, кто воспользовался новыми возможностями, огромно. Крестьяне-земледельцы, студенты, органы местного самоуправления, поляки, легально работающие в странах Евросоюза, — это лишь малая часть плюсов нашего пребывания в ЕС.

Неправда, будто поляки вносят в Евросоюз больше денег, чем от него получают. Неправда, будто ЕС бюрократизирован в большей степени, чем государства, которые его образуют. Процентная доля евросоюзной бюрократии по сравнению с полумиллиардом проживающих в ЕС людей очень невелика. Разумеется, можно сделать Евросоюз менее бюрократизированным, и к этому следует стремиться. Но нельзя оскорблять и попирать великий европейский проект, который дал Европе мир, развитие и безопасность. Проект европейского сообщества — это шанс на то, чтобы Европа очутилась в кругу тех, кто будет строить будущее мира в XXI веке. В одиночку даже у Германии нет шансов сделать это.

— ***Что случится, если и в других странах дело дойдет до референдумов по вопросу о выходе из ЕС?***

— Если бы такой референдум состоялся во Франции, и французы сказали бы Евросоюзу «нет», это означало бы начало конца Европейского сообщества.

— ***Президент Чехии выступил с призывом провести референдум по вопросу дальнейшего членства своей страны в ЕС и НАТО.***

— В Вышеградской группе каждый говорит и делает, что хочет; иными словами, никакой совместной политики там нет. Милош Земан — оригинальный человек, но сейчас он играет с огнем.

— ***Не усиливает ли Брексит ведущую роль Германии в ЕС?***

— Мы демонизируем Германию как государство, стремящееся к гегемонии. Она действительно хочет быть сильным лидером в Евросоюзе, но совместно с другими государствами. Отсюда ее тесные контакты с Францией, но наряду с этим ранее — с Великобританией. Отсюда также ее старания подключить Польшу к основному течению.

Германия ищет союзников. Стремление к гегемонии — отнюдь не главная ось ее внешней политики.

— ***Как изменилась позиция Польши в ЕС после Брексита? Ослабляет ли Пис Европейский союз?***

— Нынешний польский министр иностранных дел говорил в Сейме, что наш главный партнер — Великобритания, страна, которая сейчас выходит из Евросоюза. Страны Вышеградской группы находятся где-то на обочине. Только Словакия входит в еврозону и обладает достаточно близкими связями с центром управления ЕС.

— ***Было ли ошибкой то, что мы не приняли евро?***

— Большой. Но я нахожу этому объяснение, которым был экономический кризис, свирепствовавший тогда в Европе. Мы не удовлетворяли критериям. И не особенно старались им удовлетворять. Польша не разработала дорожную карту принятия единой валюты.

Дональд Туск во время Экономического форума в Крынице пообещал, что Польша примет евро в 2011 году. Только за словами не последовали действия. При правительстве ПиС Польша европейскую валюту не примет. Было бы хорошо, если бы это правительство постаралось хотя бы удовлетворять критериям вхождения в еврозону.

— **Что это означает?**

— Укрепление экономики. Означает удержание в жестких рамках как инфляции, так и государственного долга — иначе говоря, с точки зрения стабильности нашей экономики это сплошные плюсы. В настоящий момент дискуссия о Польше в еврозоне — вопрос чисто теоретический.

Пожалуй, точно так же, как и дебаты в Европейском парламенте по поводу польского Конституционного суда (КС). Европарламент откладывает их на какое-то неопределенное время. Он еще вернется к вопросу о Польше. Даже во время саммита НАТО в Варшаве лидеры Евросоюза будут упоминать о необходимости соблюдать законность в Польше и решать вопрос о КС в духе Венецианской комиссии.

— **Неужто после Брексита кого-либо в ЕС будет в самом деле интересовать вопрос о нашем суде?**

— Меньше, но будет. Мы ощутим последствия игры с Евросоюзом, причем болезненные. Применительно к Брекситу станет приниматься много решений, где голос Польши не будет иметь значения. Мы теряем репутацию предсказуемого партнера. Восстановить нашу позицию в мире окажется не так-то легко.

— **Уменьшает ли Брексит шансы Дональда Туска на второй срок его полномочий в качестве главы Европейского совета?**

— Как раз наоборот. Брексит их увеличивает. Он наверняка затянется, так что Европейскому совету понадобится кто-то, хорошо разбирающийся в этих длительных процессах. Взять на эту должность кого-то нового означает приговорить Европейский совет к углубляющемуся хаосу.

Дональд Туск проглотил горькую пилюлю, так как хотел чего-то совсем другого, но это надо пережить. На данном этапе он, Мартин Шульц и Жан-Клод Юнкер необходимы Евросоюзу, потому что они знают сущность проблемы. Если бы сегодня Туска сменил на его посту Ярослав Качинский, то я убежден, что глава ПиС в качестве руководителя Европейского совета был бы гораздо более беспомощным, чем предшественник.

ПиС ненавидит бывшего премьер-министра, а посему везде и всегда будет искать, как бы подставить ему ногу. Туск — ночной кошмар Качинского. Психологически это можно понять. Политически это нечто болезненное.

1: Евросоюзу нужен прагматизм, а не идеология

— **Как Брексит изменит Европейский союз?**

— В Великобритании произошел ряд событий, которые привели к такому, а не иному результату референдума. Евросоюз может лишь принять к сведению этот факт и ожидать, что процесс выхода британцев из ЕС пройдет гладко. Если мы не хотим повторения такого сценария, ЕС должен определить свою долю ответственности, сделать выводы и начать серьезную реформу.

— **Но какова атмосфера внутри Евросоюза после референдума? Ведь когда слушаешь комментарии, может возникнуть впечатление, что часть политиков в Брюсселе, например, Жан-Клод Юнкер, даже рады Брекситу — по принципу «баба с возу, кобыле легче».**

— Только при этом скоро окажется, что на этом возу никого нет, или даже, что исчез сам воз. Это порочная логика. Некоторые политики — убежденные в том, что процесс интеграции должен углубляться — предлагают сценарии, которые ведут к тому же, что и предложения евроскептиков, то есть к распаду Евросоюза. Попытки создания маленьких клубов внутри ЕС, то есть дифференциации государств-членов, дают точно такой же эффект, что выход стран из Евросоюза. Это ослабление Европы.

— **Так почему же столь многие политики движутся в этом направлении? Я имею в виду письмо глав МИД Франции и Германии.**

— Многие из этих высказываний делаются, прежде всего, из соображений внутренней политики. Особенно это касается Германии. Цель письма социал-демократических руководителей МИД Франции и Германии — подчеркнуть социал-демократическую идентичность в европейских делах. Но невооруженным взглядом видно, что ведомство канцлера не разделяет эту точку зрения. Для Польши это хорошая новость. Брексит требует дискуссии, а также критического самоанализа во многих странах и в самих институтах ЕС. Нужно серьезно задуматься, каким образом мы должны реформировать Европу, чтобы в будущем не повторялись такие события как Брексит.

— **В коммюнике после недавнего саммита стран Вишеградской группы** *Вишеградская группа – объединение четырех центральноевропейских государств: Польши, Чехии, Словакии и Венгрии, образованное в 1991 г. в венгерском городе Вишеград –*

Прим. пер. написано, что сегодня не следует выдвигать лозунги типа «меньше Европы» или «больше Европы» — вместо этого нам нужна «лучшая Европа». Лучшая, то есть какая?

— Этот голос Вишеградской группы был ответом на предложения, о которых мы только что говорили. Ведь если Евросоюз обязан адекватно отвечать на потребности Европы и стран-членов, он должен провести процесс

адаптации к действительности. Изменить образ действия, по-другому использовать инструменты, которые доступны — и на европейском уровне, и на уровне отдельных государств. Процесс интеграции нужно приспособить к нынешним потребностям и возможностям, а не руководствоваться какими-то общими, абстрактными, часто академичными установками. Лучше всего это наблюдается на примере миграционного кризиса. Имеет смысл усиливать элемент общности в вопросе контроля внешних границ ЕС, развивать сотрудничество ЕС со странами-источниками миграции, при этом не стоит вводить единую внутреннюю политику по отношению к мигрантам путем создания центрального распределителя беженцев.

— **Иными словами — следует усилить «Фронтекс»** «Фронтекс» – агентство Европейского союза по безопасности внешних границ – **Прим. пер. и не принуждать членов ЕС принимать мигрантов по определенным квотам.**

— Видно, как на ладони, что этот вопрос не решить с помощью одного универсального правила. Мы должны избавиться от корсета мышления в рамках академических моделей и чутко реагировать на политические потребности и возможности. Нужно больше прагматизма и меньше мышления в категориях типов, моделей интеграции Европы.

— **Ваш политический лагерь выдвинул лозунг нового европейского договора. Что должно в него войти?**

— Следует дать государствам больший контроль над процессом интеграции, чтобы они почувствовали свою ответственность за этот процесс. Трудность этого пути в том, что это нельзя сделать за счет общего рынка — превалировать должен принцип сообщества. Однако прежде чем мы подойдем к этому этапу, мы должны сформировать в ЕС потребность и готовность к переменам, а этого пока нет. Хуже всего сегодня было бы, если бы европейские лидеры пришли к убеждению, что, в общем-то, в ЕС ничего не стряслось, а весь этот Брексит — результат недопонимания у части британцев. Так нельзя. Когда такая большая и важная страна решает покинуть Евросоюз, нужно задать себе вопрос о том, что же мы сделали неправильно, раз дело дошло до такой реакции. Да, в кампании в пользу Брексита было много плохих, лживых, оторванных от реальности аргументов — но были и верные аргументы. Потому столь важен критический самоанализ в самом Брюсселе, а также прагматические соображения стран-членов о том, что мы должны делать вместе, а чем каждый должен заниматься самостоятельно.

— **Дональд Туск после недавнего саммита ЕС сказал, что в ходе его никто не выдвигал никаких предложений, связанных с внесением изменений в договоры либо составлением новых. ПиС ранее сообщал нечто иное. Как было на самом деле?**

— Сигнал из Варшавы очень ясно дошел до европейских лидеров. Но чтобы подойти к этапу изменений в договоре, нужно подготовить почву. Сегодня формально поданное предложение было бы просто отвергнуто. Вначале нужно сформировать потребность в изменении договора. Поэтому было бы эксцентричным решением представить новый договор всего через несколько дней после события, которое наглядно указывает на такую потребность. Это привело бы лишь к росту напряжения. Евросоюз нужно реформировать, не забывая при этом о контексте, в котором мы движемся. Вводя новые формулировки, касающиеся необходимости реформы ЕС, в тексты последнего саммита, премьер Беата Шидло сделала первый шаг.

— **Туск, как и Вишеградская группа, говорит о «лучшей Европе» — и противопоставляет этот лозунг таким требованиям как «меньше Европы» и «больше Европы». О чем это сигнализирует?**

— Наш регион, в принципе, подходит к процессу интеграции намного менее идеологизированно, чем Западная Европа. Невзирая на политические различия — в Вишеградской группе у нас два социал-демократических и два консервативных правительства. Это не мешает находить общий язык. Такой прагматичный подход необыкновенно ценен с учетом вызовов, перед которыми стоит ЕС.

— **Вы с Туском говорите на одном языке — и все же отнюдь не предрешено, что ваше правительство поддержит его кандидатуру на место главы Европейского совета на очередной срок. Но ведь если его не будет, его не заменит никто другой со столь же прагматичным подходом к Евросоюзу.**

— Во всем ЕС сегодня нет ни одного правительства, которое сформулировало бы свои персональные предпочтения по вопросу кандидатуры на эту должность. Преждевременное представление такого рода деклараций было бы просто ошибкой. Наше правительство примет решение по этой проблеме, когда у него будет полный образ ситуации, а также когда мы будем знать, какие есть альтернативы для нынешнего председателя. Это время еще не пришло.

— **В Австрии состоятся повторные президентские выборы. Как это влияет на функционирование Евросоюза в целом?**

— Сам факт повторных выборов не вносит ничего нового. В этом вопросе более важен тот факт, что Австрия — очередная страна, где пошатнулось доверие к политическому классу, правившему в этой стране до сих пор. В том числе и на фоне отношения к Европе. Во второй тур президентских выборов, который будет повторен, вышли кандидаты от партий, когда-то находившихся на краю тамошней политической сцены. Оба кандидата очень сильно подчеркивают необходимость перемен. Подозреваю, что Австрия — невзирая на то, каким будет результат выборов — станет одной из тех стран, которые будут ожидать корректировки в способе функционирования Евросоюза.

2: Хроника (некоторых) текущих событий

- Саммит НАТО 8 июля в Варшаве. «В саммите принимают участие 18 президентов, 21 премьер-министр и 80 министров из 28 стран, входящих в НАТО, а также из 26 сотрудничающих с альянсом стран. Кроме того, на саммите присутствуют представители 11 международных организаций, в том числе ООН и ЕС. В общей сложности в Варшаву прибыли 2 103 делегата». («Польша», 8 июля)
- «“Мы приняли решение об усилении нашего военного присутствия в восточной части альянса, — заявил генеральный секретарь НАТО Йенс Столтенберг. Четыре многонациональных батальона будут на основе принципа ротации размещены в Польше, Латвии, Литве и Эстонии. (...) Киберпространство теперь рассматривается нами в качестве новой сферы оперативных действий, наравне с воздушным пространством, морем и сушей”. (...) Кроме того, НАТО втрое (до 40 тыс. чел.) увеличит свои силы быстрого реагирования. Их можно будет перебросить в район конфликта в течение нескольких дней. (...) Объявлено также о предварительном формировании руководства т.н. европейского щита противоракетной обороны». (Дорота Ковальская, «Польша», 11 июля)
- Барак Обама после встречи с президентом Анджеем Дудой: «В рамках усиления присутствия НАТО на восточном фланге США направят в Польшу батальон, в состав которого войдет около тысячи американских военных. (...) Дополнительно в Польше разместится руководство бронетанковой бригады, которая будет дислоцироваться в Европе с начала будущего года. (...) Я поделился с президентом Дудой нашим беспокойством относительно ситуации вокруг Конституционного суда. (...) Я призываю польские политические партии сделать все возможное, чтобы сохранить демократический характер ключевых государственных институтов. Демократическую природу наших стран определяют не только слова, записанные в конституциях, но и незыблемость основных институтов и стандартов, таких, как верховенство закона, независимость суда и свобода прессы. Это те ценности, на которых мы построили наш союз». (Мариуш Завадский, «Газета wyborcza», 9-10 июля)
- «Военнослужащие 21-й бригады подгальских стрелков приступили к обучению украинских военных (...) на полигоне в Яворове в окрестностях Львова. (...) Польские инструкторы будут находиться на Украине до 24 сентября 2016 года. (...) Основу группы составляют сержанты-инструкторы различных воинских специальностей». (Марек Козубаль, «Жечпосполита», 26 июля)
- «“Я не считаю Россию нашим врагом. В первую очередь это наш сосед с несравнимо большим военным потенциалом, в последние годы проводящий имперскую политику”, — подчеркнул президент Анджей Дуда в беседе с датским премьер-министром Ларсом Лёкке Расмуссен. Дуда также добавил, что Россия “не уважает слабых”». («Жечпосполита», 10 июня)
- Расходы на техническую модернизацию армии в бюджете министерства национальной обороны в млрд злотых: 2008 г. — 3,4; 2010 г. — 4,1; 2012 г. — 7,2; 2014 г. — 8,2; 2016 — 9,3. (по материалам «Жечпосполитой» от 18 и 22 июля)
- «Как пояснил проф. Станислав Цудзило, декан факультета новых технологий и военной химии Технической академии, в Польше производится т.н. черный порох, то есть старейшая его разновидность, которую в военном деле уже в середине XIX века вытеснил бездымный порох, в частности, наиболее распространенный в наши дни нитроцеллюлозный. В нашей стране нитроцеллюлозный порох также производится, однако его главный компонент, нитроцеллюлозу, мы вынуждены приобретать за границей. (...) Смешанный, дву- или многосоставный порох у нас также не делают. (...) Проф. Цудзило добавляет: «Это проблема, поскольку мы, не имея возможности самостоятельно производить взрывчатый материал, оказываемся безоружными — боеприпасов, которыми мы располагаем, может хватить только на несколько дней интенсивных боев». (Кшиштоф Ковальчик, «Польша збройна», июнь)
- «В Кувейт отправились уже около 120 польских военных и 4 многоцелевых истребителя F-16, а в Ирак — около 60 солдат спецназа». (Мацей Милош, «Дзенник газета правна», 25 июля)
- «С момента прихода к власти ПиС откровенно игнорирует внешнюю угрозу. Единственная форма реакции, которую позволяет себе правящая партия — это риторика ритуального характера. Внешней угрозой должно заниматься НАТО. (...) Приоритетным направлением теперь считается поиск внутренних врагов и борьба с ними. (...) Внимание оборонного ведомства концентрируется в основном на контроле за разного рода военизированными формированиями, а также на создании новых. Обучение и оснащение этих структур указывает на то, что их готовят к гражданской войне. (...) Утечка аналитических данных одного из центров, связанных с правительством, нечаянно выдала истинное предназначение групп, которыми управляет руководство минобороны. Для особо сомневающих: эту подготовку следует рассматривать в контексте правительственной политики, направленной на раскол общества и эскалацию внутреннего конфликта, а также в контексте чрезвычайных полномочий, которыми в спешке были наделены органы и структуры, ответственные за госбезопасность», — Рафал Кузняр, руководитель Института стратегических исследований Варшавского университета. («Газета wyborcza», 2-3 июля)
- «За последние несколько месяцев я заменил уже половину командного состава оперативных воинских частей»,

- министр национальной обороны Антоний Мацеревич. («До жечи», 18-24 июля)
- «В среду ближе к вечеру начался визит в Польшу Папы римского Франциска. Папа приехал на XXXI Всемирные дни молодежи, но собирается также отпраздновать вместе с поляками 1050-ю годовщину крещения Польши». (Томаш Кшижак, «Жечпосполита», 28 июля)
- «В ходе встречи в Вавельском замке, в присутствии высших официальных лиц, Папа подчеркнул: «Нам необходимо быть готовыми принять людей, спасающихся от голода и войн, и проявить солидарность с теми, кто оказался лишен своих основных прав, в том числе права на свободное и безопасное вероисповедание». «В ответ на призыв понтифика вице-премьер Ярослав Говин заметил, что Франциск заботится о спасении наших душ, в то время как политики занимаются вопросами нашей безопасности, и поэтому правительство “не хочет впускать в Польшу иммигрантов из мусульманских стран”». (Доминика Козловская, «Газета wyborcza», 30-31 июля)
- «“Если бы мне пришлось высказываться о мусульманском насилии, я не смог бы обойти молчанием насилие католическое. Не следует отождествлять ислам с насилием”, — заявил Папа Франциск». «Понтифик также добавил, что отождествление ислама с насилием было бы несправедливым и ошибочным», — фрагменты беседы Папы римского с Антуаном-Мари Изоардом в самолете во время возвращения из Кракова в Рим в изложении Томаша Белецкого («Газета wyborcza», 2 авг.) и Гжегожа Игнатовского («Польска», 5-7 авг.)
- «По данным опроса ЦИОМа, 66% наших соотечественников против того, чтобы Польша принимала иммигрантов с Ближнего Востока и из Африки, прибывающих в ЕС». («Дзенник газета правна», 27 июля)
- «Открытым остается вопрос об отношении духовенства к Франциску и его посланию. (...) Пустые ряды предназначенных для духовенства стульев в храме в Лагевниках могут, конечно, быть следствием плохой организации рассылки приглашений, а могут свидетельствовать о том, что часть польских духовных лиц не разделяет взгляды Папы». (Михал Ольшевский, «Газета wyborcza», 1 авг.)
- «На 51 тыс. польских священнослужителей, монахов и монахинь было выделено 7 тыс. мест. Половина из них осталась свободна», — о. Адам Бонецкий, Артур Спорняк. («Тыгодник повсехный», 7 авг.)
- «О том, что польское духовенство стремится игнорировать и бойкотировать идеи Франциска, свидетельствуют епископские послания и проповеди. Сравним их с тем, что они говорили и писали во времена Иоанна Павла II и Бенедикта XVI. В те годы они неустанно цитировали обоих понтификов, сегодня же этого не происходит. На Франциска они ссылаются не хотят». (Ярослав Маковский, «Пшеглэнд», 1-7 авг.)
- 68% поляков считают, что визит Папы Франциска никак не влияет на политическую ситуацию в стране, 18% респондентов уверены, что приезд понтифика смягчит межпартийный конфликт, а по мнению 14% опрошенных, напротив, — обострит его. Опрос Института рыночных и общественных исследований от 29-30 июля. («Жечпосполита», 2 авг.)
- «Первым решением, которое принял Мариуш Блащак, став министром внутренних дел, стало приглашение экзорциста. Священник явился, чтобы изгнать злых духов, оставшихся после предшественников министра. Только после освящения кабинета министр смог начать в нем работать», — рассказывает бывший сотрудник ведомства. (...) Блащак сопровождает о. Рыдзыка в паломничествах “Радио Мария” на Ясную Гору, сопровождает его во время юбилейных торжеств в честь создания радиостанции в Торунь, во встречах в резиденции редemptористов в варшавском районе Рембертув. Иногда подобного рода совещания продолжаются там до поздней ночи». (Александра Павлицкая, «Ньюсуик Польска», 25-31 июля)
- «Организации, созданные о. Тадеушем Рыдзыком получили от правительства дотации на общую сумму 1,1 млн злотых. Еще 1,5 млн злотых поступят от подконтрольной ПиС ассоциации “Движение по контролю за выборами”. (...) Ранее о. Рыдзык получил более 340 тыс. злотых государственных дотаций». («Жечпосполита», 7 июля)
- «Вице-премьер и министр экономического развития Матеуш Моравецкий объявил о принципиально новом подходе к вопросам экономики — а именно, об отказе от идей неолиберализма, а также о необходимости максимально сократить степень зависимости от зарубежного рынка. (...) “Экономическая политика ПиС должна в первую очередь служить гражданам нашей страны (...), а не статистике, цифрам и процентам”, — заявил он». (Богуслав Храбола, Павел Яблонский, «Жечпосполита», 9 июня)
- «Масштаб социальных трансфертов по программе 500+ уже сегодня вызывает бурные эмоции среди экономистов и социологов, а это только первые недели работы программы. (...) Для сотен тысяч польских семей, которые раньше с трудом сводили концы с концами, такое вливание денег со стороны государства означает не только улучшение материальной ситуации. (...) Рост благосостояния среди беднейших поляков может благотворно сказаться на их интеллекте, культуре и традициях. (...) А также может стать причиной серьезных изменений в политике, экономике и обществе в целом». (Михал Шулджинский, «Жечпосполита», 15 июня)
- Согласно отчету “Boston Consulting Group”, «по уровню удовлетворенности качеством жизни мы занимаем 30-е место в мире. Мы уступаем Испании и Португалии, зато опережаем Италию и Грецию. Вот уже второй раз подряд Польша уверенно укрепила свои позиции в этом рейтинге. Как и раньше, больше всего радости полякам приносят их дети, супружеские отношения и дружба. Наименьший процент положительных эмоций наших сограждан связан с финансовой ситуацией и уровнем доходов». («Жечпосполита», 21 июля)
- «Польская экономика развивается в идеальном — по европейским меркам — темпе. (...) Поэтому я попытаюсь уговорить членов Совета финансовой политики сохранить процентные ставки на существующем уровне до

возобновления инфляционного прессинга. (...) Дефицит на уровне 3% ВВП не представляется мне серьезной проблемой. Пока наша страна обогащается, мы можем позволить себе финансирование за счет обязательств. Со временем мы сможем добиться бюджетного равновесия», — Адам Глапинский, председатель Польского национального банка. («Жечпосполита», 13 июня)

- «Польская экономика держится в первую очередь на крошечных фирмах с количеством работников менее 10 человек, которыми как раз не интересуются те, кто проводит правительственные исследования. А ведь это самая естественная форма бизнеса. Впоследствии они не развиваются до крупных предприятий, поскольку с ростом оборотов предпринимателям навязывается всё более строгий режим, блокирующий возможность естественного развития фирмы от микропредприятия к малой, средней, а затем крупной экономической единице. Благодаря такой стимуляции со стороны каждого нового правительства лучше всего у нас развивается теневая экономика или, выражаясь более научно, незарегистрированный бизнес. (...) Именно этот экономический планктон (...) производит подавляющее большинство того, что приписывается малым и средним предприятиям. Мы знаем, что микрофирмы, а также малые и средние предприятия производят в целом почти 70% польского ВВП, однако основную часть обеспечивают как раз самые крошечные фирмы», — Анджей Садовский, президент Центра им. Адама Смита. («Жечпосполита», 8 июля)

- «Рейтинговое агентство “Fitch” оставило в силе прежнюю оценку кредитоспособности Польши, а также стабильные перспективы рейтинга. Это означает, что через полгода, когда нам захочется проверить рейтинг еще раз, более вероятным будет сохранение предыдущего рейтинга, нежели его снижение». (Кшиштоф А. Ковальчик, «Жечпосполита», 18 июля)

- «В понедельник президенты Анджей Дуда и Си Цзиньпин подписали декларацию о стратегическом партнерстве Польши и Китая. (...) Еще три года назад в совместном отчете Польского Института международных дел и консалтинговой фирмы “KPMG” обращалось внимание на то, что в экспортную торговлю с Китаем вовлечены почти две тысячи польских фирм, зато импортом товаров из Китая занимается более 20 тыс. наших коммерческих организаций». (Адам Вожняк, «Жечпосполита», 21 июня)

- «Задолженность государственных финансов сегодня стала самой высокой за всю историю Польши. (...) За первые четыре месяца этого года задолженность государственного казначейства увеличилась на 47 млрд злотых, при этом за один только апрель — на половину этой суммы. Это почти 40% годового объема! (...) А государственный долг Польши по состоянию на конец апреля достиг рекордного уровня — почти 882 млрд злотых. Лимит государственного долга, предусмотренный законом о госбюджете, превышает эту сумму всего на 1,5 млрд злотых, но он уже наверняка превышен, поскольку стоимость долга подскочила после “обвала”, вызванного британским референдумом». (Милош Венглевский, «Ньюсуик Польска», 4-10 июля)

- «Рост инвестиций требует стабильности и предсказуемости. Между тем паралич деятельности Конституционного суда, дополнительное налогообложение секторов со значительным участием иностранного капитала (инвесторы гадают, какие отрасли станут следующими) и практика популистских обещаний (вроде снижения пенсионного возраста) делают ситуацию в экономике довольно шаткой. Это одна из причин, по которой уровень инвестиций средних и крупных предприятий в первом квартале снизился почти на 9%, хотя в прошлом году они почти на 12% выросли». (Рафал Тшецяковский, «Жечпосполита», 23 июня)

- «Подходит к концу важная страница истории рыночной экономики в Польше. Открытые пенсионные фонды (ОПФ) окончательно идут под нож. (...) Каждый из 16 млн вкладчиков ОПФ сохранит 75% своих пенсионных сбережений. Однако доступ к ним будет ограничен. (...) Что будет с оставшимися 35 млрд злотых, инвестированными в ОПФ? (...) Они попадут в (...) Фонд демографического резерва. Управлять этими средствами будет государственный Польский фонд развития». (Матеуш Павляк, «Жечпосполита», 5 июля)

- «С конца октября 2015 г., то есть с момента победы ПиС на парламентских выборах, стоимость акций девяти крупнейших биржевых компаний, контролируемых государственным казначейством, снизилась на 36,7 млрд злотых. В свою очередь стоимость акций, принадлежащих государственному казначейству, уменьшилась на 16,4 млрд злотых. (...) С конца октября прошлого года среднестатистический поляк потерял в общей сложности 500 злотых». (Витольд Гадовский, «Газета wyborcza», 14 июля)

- «Как правило, в Польше ежегодно менялось руководство примерно 25% биржевых компаний. Сегодня состав правления изменился в 90% компаний с участием государственного казначейства. А любой предприниматель ценит предсказуемость», — Тадеуш Возняк, экономист, генеральный директор консалтинговой фирмы “FIG Polska”. («Газета wyborcza», 2-3 июля)

- «ПиС планировал существенно повысить жалование представителям государственной элиты (...), а также предусмотреть на законодательном уровне заработную плату для жен президентов (55% вознаграждения главы государства, то есть около 12 тыс. злотых). Оклады премьер-министра, маршала Сейма и председателя Польского национального банка выросли бы с 16,6 тыс. до 24,7 тыс. злотых; министров, вице-министров и омбудсмена — до 20,1 тыс. злотых, президента — с 20,1 до 24,6 тыс. злотых, депутатов и сенаторов — с 12,3 до 15,5 тыс. злотых. Повышения зарплат обошлись бы бюджету примерно в 25 млн злотых в год». («Газета wyborcza», 21 июля)

- «После нашей публикации, в которой проект депутатов ПиС был назван “Программой Кормушка+”, руководство правящей партии отказалось поддерживать этот законопроект. Качинский не знал о том, что новый

законопроект о вознаграждении руководящих лиц предусматривает также повышение окладов депутатов и сенаторов! (...) Председатель ПиС буквально вышел из себя, когда оказалось, что он не знал всех нюансов законопроекта о повышении окладов. (...) Вчера руководитель ПиС распорядился отозвать этот законопроект». (Магдалена Рубай, «Факт», 21 июля)

• «Вчера в Сейме во втором слушании рассматривался проект закона о Конституционном суде (КС). (...) Председатель КС, присутствовавший на парламентских дебатах, попросил слова, поскольку, как он выразился, “совесть молчать не позволяет”. По его мнению, законопроект о КС “подготовлен с недобросовестными намерениями и направлен на изменение общественного строя без изменения Конституции”. (...) Вчера во многих городах Комитет защиты демократии организовал т.н. “черные протесты” (в ходе акции ее участники заклеили себе рты скотчем черного цвета — прим. пер.) против политики, парализующей работу Конституционного суда». (Агата Кондзинская, «Газета wyborcza», 6 июля)

• «Сейм одобрил новый закон о Конституционном суде, отклонив вчера 44 поправки, внесенные в законопроект фракциями “Гражданской платформы”, “Современной” и крестьянской партии ПСЛ». (Марек Домагальский, «Жечпосполита», 8 июля)

• «Вчера к сенаторам обратился комиссар Совета Европы по правам человека. Нил Муйжниецс заявил, что “крайне обеспокоен принятием закона о КС, поскольку он представляет серьезную угрозу для режима законности”. (...) Муйжниецс призвал сенаторов предотвратить появление такого закона. (...) С оценкой нового закона о КС в Венецианскую комиссию обратился генеральный секретарь Совета Европы Турбьёрн Ягланд. (...) Он призывает польских сенаторов на последнем этапе их работы принять во внимание замечания Венецианской комиссии». (Агата Кондзинская, «Газета wyborcza», 9-10 июля)

• «Национальный совет правосудия вместе с тремя другими ассоциациями судей — “Iustitia” (“Справедливость”), “Themis” (“Фемида”) и “Pro familia” (“За права семьи”) — созывает Чрезвычайный конгресс польских судей, назначенный на 3 сентября». Вчера три ассоциации судей, которые организуют конгресс, обратились к президенту, призвав его не подписывать законопроект ПиС о Конституционном суде либо направить его в КС». (Агата Кондзинская, «Газета wyborcza», 29 июля)

• «Президент Анджей Дуда в субботу подписал новый закон о Конституционном суде. (...) Председатель КС Анджей Жеплинский призывал президента применить по отношению к данному законопроекту право вето либо обжаловать его». («Жечпосполита», 1 авг.)

• «У правительства есть три месяца, чтобы исполнить новые рекомендации Европейской комиссии относительно ситуации с Конституционным судом. (...) Европейская комиссия ждет, что польские власти назначат трех судей, избранных Сеймом предыдущего созыва, опубликуют и исполнят решение Конституционного суда, а также проведут такую реформу КС, которая сделает его судом, независимым от правительства и парламента. По мнению Брюсселя, всего этого новый закон, принятый 22 июля, не гарантирует. Если Польша не выполнит этих рекомендаций, нам грозят санкции, связанные с приостановлением права голоса в ЕС». («Жечпосполита», 28 июля)

• «В официальном сообщении польского МИДа говорится, что действия Европейской комиссии “носят откровенно преждевременный характер и чреваты для Европейской комиссии утратой авторитета, необходимого для выполнения функций, предусмотренных договорами ЕС”», — из Брюсселя Анна Словеская. («Жечпосполита», 28 июля)

• «Городской совет Кракова в среду принял резолюцию, в которой подчеркнул, что “в ходе принятия нормативно-правовых актов будет соблюдать все решения Конституционного суда, как это предусмотрено ст. 190 абзацем 1 Конституции Республики Польша”. (...) Подобные резолюции (...) были приняты, в частности, городскими советами Быдгоща, Гданьска, Гожув-Велькопольского, Лодзи (здесь резолюцию отменил воевода), Ольштына, Познани, Сопота и Варшавы». («Жечпосполита», 9 марта)

• «Всего лишь несколько десятков из 2,7 тыс. муниципалитетов приняли резолюцию о своих намерениях уважать решения Конституционного суда. По мнению многих представителей местного самоуправления, такие резолюции принимаются лишь для вида. “Нам не нужны резолюции, чтобы соблюдать закон”, — говорят они». («Дзенник газета правна», 4 авг.)

• «Центральное антикоррупционное бюро (ЦАБ) взялось за муниципалитеты, наведавшись к шестнадцати маршалкам воеводств. (...) Сейчас это выглядит так: сначала масс-медиа сообщают, что ЦАБ начинает кого-то контролировать, а уже потом происходят контрольные мероприятия. Это делается для того, чтобы проинформировать общество, что та или иная организация проверяется, поскольку в чем-то замешана. Таким образом готовится почва для того, чтобы после отъезда из Польши Папы Франциска прямо перед телекамерами бросить представителей оппозиции в тюрьму. (...) На каждого, кто не состоит в ПиС, будут искать уголовную статью», — Ханна Гронкевич-Вальц, мэр Варшавы. («Дзенник газета правна», 1-3 июля)

• «В конфликте вокруг Конституционного суда 48% поляков признает правоту Европейской комиссии, 40% поддерживают правительство Беаты Шидло, а 12% не могут определиться со своим мнением. Опрос Института рыночных и общественных исследований от 17-18 июня. («Жечпосполита», 30 июня)

• «Венецианская комиссия дала негативную оценку принятому Сеймом в феврале “закону о слежке”». «Комиссия согласилась с большинством замечаний, высказанных общественными организациями, органами

самоуправления адвокатов и муниципальных депутатов, Генеральной инспекцией охраны личных данных и Законотворческим бюро Сейма. (...) Венецианская комиссия выразила свое мнение относительно данного закона в связи с обращением Парламентской ассамблеи Совета Европы, консультационной структурой которой она является». (Эва Седлецкая, «Газета wyborcza», 11-12 июня)

- «Проф. Ханна Сухоцкая была единогласно назначена почетным председателем Венецианской комиссии, что позволит ей активно участвовать в работе этой структуры, не будучи формально ее членом. В состав Венецианской комиссии Сухоцкая входила с 1991 года, однако в апреле ее полномочия истекли, а министр иностранных дел Витольд Ващиковский заявил, что “не станет вновь выдвигать ее кандидатуру”». («Ньюсуик Польша», 13-19 июня)
- Эва Седлецкая: «Президент отказался назначать десятерых судей, чьи кандидатуры были представлены Национальным советом правосудия». Проф. Адам Стшембош, бывший первый председатель Верховного суда: «Я вижу в этом первые симптомы грядущего разделения судейского корпуса на своих и чужих. И с глубокой печалью воспринимаю нарушение компетенции Национального совета правосудия и присвоение президентом полномочий, которые ему не предоставляют ни правовая норма, ни цели, с которыми она принималась. (...) Такая практика существовала во времена ПНР. Например, в коллегии по уголовным делам Верховного суда не было ни одного судьи, который бы не состоял в польской компартии. (...) Вот и теперь проводится селекция с точки зрения определенной идеологической позиции». («Газета wyborcza», 30 июня)
- «Ассоциация судей “Iustitia” подвергла критике отказ президента Анджея Дуды назначить десятерых судей, представленных Национальным советом правосудия: “Решение президента противоречит статье 179 Конституции”». («Газета wyborcza», 30 июня)
- «Ассоциация “Lex Super Omnia” (“Закон превыше всего”) была создана два месяца назад с целью защитить независимость работников прокуратуры. (...) Создателями ассоциации выступили около 50 следователей, как из Генеральной прокуратуры, так и из других прокуратур. (...) На днях стало известно, что реестровый суд Варшавы отказал в регистрации ассоциации». (Мариуш Ялошевский, «Газета wyborcza», 1 авг.)
- «Сегодня, 15 июня, начинает свою работу портал OKO.press, представляющий Центр общественного контроля; так же называется фонд, который учредила группа репортеров из Общества журналистов». (Ярослав Курский, «Газета wyborcza», 15 июня)
- «Мы живем в эпоху великой конфабуляции. 2 миллиона поляков верят в “смоленский заговор”, столько же наших соотечественников считают, что “в стране царит разруха”, а две трети сторонников правящей партии утверждают, что в 2009 году в Польше не было роста ВВП. (...) Недавно группа граждан решила создать аналитический центр “Демократия XXI века”. (...) Он будет изучать нашу действительность, а также реагировать на текущие события. Думается, что создание такой ячейки “быстрого реагирования” совершенно необходимо, (...) поскольку лавина инсинуаций, домыслов и просто бессовестного вранья, щедро приправленная высокомерием и презрением к здравому смыслу, заливают нас с невиданной силой», — проф. Радослав Марковский. («Газета wyborcza», 25-26 июня)
- «“Я против того, чтобы в здании Бундестага фальсифицировали историю”, — заявляет Хартмут Кошик, уполномоченный правительства Германии по делам переселенцев и национальных меньшинств. Речь идет о выставке “Поляки — немцы. История диалога”, которую маршал Сейма Марек Кухцинский вместе с председателем Бундестага Норбертом Ламмертом открыл в одном из зданий немецкого парламента в Берлине. (...) “Имя Леха Валенсы, тогдашнего лидера «Солидарности», даже не было упомянуто. (...) А ведь этот человек, впоследствии награжденный Нобелевской премией, сыграл огромную роль в развитии диалога между поляками и немцами”, — пишет Х. Кошик. Его также возмущает фрагмент текста, из которого следует, что поляки выполнили свои обязательства по немецко-польским договорам, а немцы — нет. По его мнению, это неправда». (Бартош Т. Велинский, «Газета wyborcza», 11-12 июня)
- «На выставке, демонстрируемой в кулуарах саммита НАТО и рассказывающей о польском пути в альянс, отсутствовали фотографии президента Александра Квасневского и министра Бронислава Гермека, руководивших страной как раз в то время, когда был подписан — кстати, именно авторучкой Гермека — договор о присоединении Польши к НАТО». («Тыгодник повсехный», 17 июля)
- «По оценкам комиссара Совета Европы Нила Муйжниекса, далеко зашедшие перемены в польском законодательстве вызывают серьезные опасения относительно защиты прав человека. (...) Согласно докладу Совета Европы, наиболее тревожные изменения касаются: Конституционного суда, уменьшения бюджета Уполномоченного по гражданским правам, расширения полномочий спецслужб, а также ситуации в общественных масс-медиа. (...) Новый закон о средствах массовой информации, в частности, ограничил прозрачность выборов руководства общественных СМИ. Представитель Совета Европы считает, что слияние должностей министра юстиции и генерального прокурора “представляет серьезную угрозу независимости прокуратуры”. (...) Правительство Польши с такой оценкой не согласно». (Анджей Гайцы, «Жечпосполита», 16 июня)
- «Согласно опросу ЦИОМа, проведенному 2-9 июня, 42% поляков считают, что (...) мнение Европейской комиссии об угрозах законности в нашей стране является обоснованным. Противоположной точки зрения придерживаются 34% респондентов, а 24% участников опроса не смогли определиться со своей позицией. (...)»

- 49% поляков считают, что польское правительство должно выполнить рекомендации Европейской комиссии, (...) 35% полагают, что этого делать не нужно. Введения санкций опасаются 45% респондентов». («Газета wyborcza», 16 июня)
- «16 июня 2016 г. Европейская комиссия объявила о начале процедуры против Польши в связи с нарушением нашей страной законодательства ЕС. (...) Польша обвиняется в нарушении директив, касающихся защиты природных зон, флоры и фауны. План по увеличению вырубки лесов в надлесничестве Беловежа может нанести природе непоправимый вред, поэтому Комиссия дала польским властям только один месяц, в течение которого нужно подготовить ответы на все эти замечания (...). Это досудебный этап процедуры, которая может закончиться направлением жалобы в Европейский суд и высокими штрафами. (...) Ранее, с 4 по 8 июня, Беловежскую пушу посетили эксперты Международного союза охраны природы (IUCN), который является консультационной структурой ЮНЕСКО. (...) Люк Бас из IUCN пообещал, что отчет будет готов через несколько недель». (Агнешка Голембевская, «Дзике жице», июль и август 2016)
  - «Когда я беседовал с Папой Бенедиктом, который чувствует себя хорошо и сохраняет ясность мысли, он сказал мне: “Ваше святейшество, это эпоха прегрешений в отношении Творца”. (...) Бог создал мир (...), а мы творим что-то совсем противоположное», — Папа Римский Франциск во время закрытой встречи с польскими епископами 27 июля в Вавельском замке. («Газета wyborcza», 6-7 авг.)
  - «В ситуации с Беловежской пушей 43% поляков признают правоту Европейской комиссии, 33% поддерживают позицию правительства Беаты Шидло, а 24% декларируют отсутствие собственного мнения по данному вопросу. Опрос Института рыночных и общественных исследований от 17-18 июня. («Жечпосполита», 30 июня)
  - «“Необходимо реформировать Евросоюз, это будет конструктивной реакцией на Брексит и может стать также серьезным предложением для Великобритании”, — заявил вчера Ярослав Качинский, комментируя решение британцев. (...) Он подверг критике организованную немецким министром иностранных дел Вальтером Штайнмайером субботнюю встречу руководителей дипломатических ведомств шести стран-основателей ЕС. “Это может привести к тому, что группа государств создаст разного рода барьеры, к примеру, экономические, и последствия будут совершенно очевидны. Другие страны не смогут с этим смириться”, — подчеркнул Качинский. (Агата Кондзинская, «Газета wyborcza», 25-26 июня)
  - «Министр иностранных дел Витольд Вашиковский организовал в Варшаве встречу, которая должна была стать своего рода ответом на субботний саммит шести стран-основателей. Однако на встречу приехали только главы дипломатических ведомств Венгрии, Румынии, Болгарии и Греции, хотя (...) предполагалось, что в столицу Польши приедут все министры иностранных дел 27 стран ЕС». (Енджей Белецкий, Анджей Гайцы, «Жечпосполита», 28 июня)
  - «К предложению Ярослава Качинского относительно заключения нового договора о ЕС никто не отнесется всерьез, поскольку это, по сути, приглашение к самоубийственной драке. (...) У Качинского нет ни малейшего понятия о том, что происходит в мире и в Европе, его идеи абсурдны. Он ведет Польшу к краху. Если каким-то чудом ему удастся устроить бунт всех антиевропейских сил в ЕС, это уничтожит всё, что для Польши имеет жизненно важное значение. 15 “старых” членов ЕС спокойно обойдутся без нас. (...) Евросоюз нуждается в большем единении, а не в дроблении. Сегодня более слабые страны будут пытаться укрепить контакты с Германией и Францией», — Влодзимеж Цимошевич, бывший премьер-министр и министр иностранных дел. («Жечпосполита», 27 июня)
  - «С 1 июля Варшава будет председательствовать в Вишеградской группе (Польша, Словакия, Чехия, Венгрия). По такому случаю в Праге встретились премьер-министры этих четырех стран. (...) “Мы не можем отказываться от политики, цель которой — благо общей Европы. (...) Разного рода экстремисты, предлагающие решения, основанные на искаженном образе действительности, представляют для Европы угрозу”, — заявил премьер-министр Чехии Богуслав Сobotка». (Михал Кокот, «Газета wyborcza», 9 июня)
  - «Создавать отдельные группы, крупные или мелкие, не имеет никакого смысла, поскольку существует европейское сообщество. (...) Нам не нужна многоскоростная Европа, равно как не нужны конфронтации между странами Восточной и Западной Европы в Совете ЕС. (...) Выстраивание вокруг Польши союза шести или семи стран — это не решение проблемы», — Эмиль Бок, бывший премьер-министр Румынии. («Жечпосполита», 30 июня)
  - «Европейский парламент подавляющим большинством голосов принял резолюцию, 10 пункт которой сводит на нет любые спекуляции на тему распада ЕС: “В то время, когда некоторые государства-члены ЕС могут принять решение замедлить или сократить свою интеграцию, стержень Европейского союза должен быть усилен”, — Ружа Тун, депутат Европарламента. («Газета wyborcza», 2-3 июля)
  - «В том, что касается главных вызовов, перед которыми стоит ЕС, (...) Польше сказать особенно нечего. Это связано с тем, что Варшаву интересуют вопросы, не являющиеся первостепенными для политиков других европейских столиц. Польше есть что сказать относительно усиления еврозоны и действующих в ней правил. Нас не интересует участие в банковском союзе, равно как и участие в союзе рынков капитала. Для нас также не являются актуальными вопросы кризиса роста, кризиса задолженности и, более того, механизмов макроэкономического управления “зоной евро”. Не слишком активным было и наше участие в создании стабилизационных механизмов, призванных решить проблемы южной Европы. (...) Никаких идей относительно

разрешения миграционного кризиса мы тоже не выдвинули, не считая нашего участия в помощи “третьим странам”. (...) Мы также практически не вовлечены в решение вопросов в области инновационной и климатической политики. (...) В действительности у Польши остаются только две сферы, где она может себя проявить: вопросы безопасности, преимущественно на восточном направлении, и европейская политика соседства. (...) Предложения по реформированию системы договоров ЕС, звучащие из уст польских политиков, не интересуют всерьез европейских политических деятелей», — Кшиштоф Блюш. («Дзенник газета правна», 28 июня)

- «За те полгода, что Польшей правит ПиС, страна оказалась на первом месте (...) в списке стран-членов Евросоюза, которые не желают приводить национальное законодательство в соответствие с директивами и регламентами ЕС либо принимают законы, противоречащие евросоюзным нормам. (...) До недавнего времени за каждый день, в который конкретный закон продолжал не соответствовать законодательству ЕС, провинившаяся страна наказывалась штрафом в размере нескольких десятков тысяч евро. При этом проценты не начислялись, если страна-виновник вносила необходимые изменения в свое законодательство. Однако из-за Польши Европейская комиссия решила скорректировать эти правила. Кроме ранее действующего штрафа, планируется введение дополнительного фиксированного штрафа, сумма которого станет удерживаться с виновника независимо от обычного, ежедневного штрафа и не будет подлежать возврату. (...) Придется также раскошелиться не только на штрафы, но и на судебные расходы в Люксембурге (Европейский суд) и Страсбурге (Европейский суд по правам человека), которые рассматривают жалобы физических лиц и организаций, касающиеся несоответствия польских законов законодательству ЕС и расхождения между решениями Конституционного суда и действиями правительства», — Цезарий Михальский. («Ньюсуик Польска», 17-19 июня)

- «ПиС (...) вышвырнет нас из Евросоюза. (...) События будут развиваться так: костяк ЕС возьмет курс на более тесную интеграцию, а Качинский скажет, что мы оказались в изоляции, и нам нужна независимость. Даже референдум проводить не станет. В ближайшее время нас ждут очень сильные колебания настроений в обществе», — Ханна Гронкевич-Вальц. («Дзенник газета правна», 1-3 июля)

- «84% поляков положительно относятся к тому, что Польша состоит в ЕС, 15% — отрицательно. 83% наших соотечественников высказываются за сохранение Польшей членства в ЕС, 15% — за ее выход из Евросоюза. За переход Польши на евро выступают 24% опрошенных, против — 72%. Если бы от введения евро зависело членство страны в ЕС, 49% респондентов согласились бы перейти к европейской валюте, а 43% — нет. Опрос Института рыночных и общественных исследований от 30 июня. («Жечпосполита», 4 июля)

- «Качинскому удалось невозможное — он умудрился так расколоть общество, что теперь в любой ситуации, какое бы предложение он ни выдвинул, 40% поляков поддержат его, а 60% выступят против. (...) Сегодня в Польше человек может быть либо за ПиС, либо против, и это лучше всего иллюстрирует нынешний политический разлад в нашей стране, позволяя также делать политические прогнозы. (...) Разумеется, такое разделение крайне примитивно, безыдейно, глупо, ошибочно, чересчур персонифицировано и не имеет никакого смысла. Но оно есть! И прекрасно характеризует не только происходящее, но и то, что может случиться в будущем». (Марек Мигальский, «Жечпосполита», 13 июля)

- Поддержка партий: «Право и справедливость» — 32%, «Современная» — 18%, «Гражданская платформа» — 18%, Кукиз'15 — 11%, Коалиция левых сил — 6%, крестьянская партия ПСЛ — 4%, КОРВиН («Коалиция обновления Республики — воля и надежда») — 3%, «Вместе» — 3%, не определились с симпатиями — 6%. Опрос Института рыночных и общественных исследований от 29-30 июля. («Жечпосполита», 4 авг.)

- Фрагменты интервью. С министром национального образования Анной Залевской беседует Петр Заремба. П.З.: «Почему Вы считаете, что четырехлетнее обучение в лицее — это хорошо?» А.З.: «Потому что именно столько времени нужно, чтобы воспитать элиту Речи Посполитой». (...) П.З.: «Какова роль школы в воспитании национального самосознания?» А.З.: «Это не только экскурсии и патриотические академии, но и направление в определенное русло гражданской активности молодежи, а эта активность в последние годы переживает самый настоящий бум. (...) Это и харцерское движение, и группы реконструкторов». (...) П.З.: «Некоторые с возмущением говорят, что в школы с пропагандистскими целями регулярно наведываются представители Национально-радикального лагеря». А.З.: «(...) Школа должна воспитывать национальное самосознание». («В сети», 4-10 июля)

- «Министр образования Анна Залевская объявила о ликвидации гимназий с будущего учебного года (2017-18). (...) Вместо гимназий появится общеобязательная восьмилетняя школа. (...) После ее окончания ученики смогут выбрать четырехлетнее обучение в лицее, пятилетнее обучение в техникуме либо двуступенчатую пятилетнюю отраслевую школу». (Юстина Сухецкая, «Газета wyborcza», 28 июня)

- «Польская система образования перестает быть совместимой с системой образования на Западе. Восьмилетняя «общеобязательная школа и четырехлетний лицей — это возвращение к временам ПНР, к школьной модели самых мрачных коммунистических времен, (скроенной по примеру СССР — В.К.). Даже слово “общеобязательная” позаимствовано оттуда. (...) Ностальгия по школе времен ПНР проявляется также в стремлении ограничить доступ в школы общественных организаций, а также уменьшить роль самоуправления за счет расширений полномочий кураторов. Приоритетом становится не качество обучения, а неукоснительное

исполнение директив министра», — Кристина Шумиляс, бывший министр образования. («Газета wyborcza», 28 июня)

- «Президент Международного еврейского конгресса Рональд Лаудер требует извинений от министра образования Анны Залевской, которая публично усомнилась в участии поляков в уничтожении еврейских соседей в Едвабне, а также в их причастности к погрому в Кельце. Обеспокоенность по поводу высказываний представителей польских властей выразил также американский музей Холокоста». («Ньюсуик Польска», 25-31 июля)

- «Главная проблема погрома в Кельце в 1946 г. заключается в том, что люди погибли на польской земле, от рук поляков. И наше сегодняшнее отношение к этому событию представляется мне очень важным вопросом. (...) Никому не нравится, когда твоих предков, которым ты обязан жизнью, которых любишь, кто-то называет злодеями», — Михал Яскульский, сорежиссер нового документального фильма «На улице Планты, 7/9», посвященного погрому в Кельце. («Политика», 6-12 июля)

- «Одним из первых решений нового руководителя Института национальной памяти (ИНП) Ярослава Шарека стало увольнение историка Кшиштофа Персака, одного из составителей двухтомного собрания документов, посвященных преступлению в Едвабне». «Одновременно на должность вице-директора ИНП был назначен Матеуш Шпытма, создатель находящегося в деревне Маркова музея, посвященного польской семье Юзефа Ульмы, казненной в 1944 г. за укрывание евреев». (Адам Лещинский, «Газета wyborcza», 29 июля)

- Фрагменты интервью. С Джонни Дэниэлсом, президентом фонда “From the Depths” (“Из глубин”), беседует Михал Плочинский. М.П.: «Вы (...) открыли в деревне Маркова Музей поляков, спасавших евреев во время Второй мировой войны, носящий имя семьи Ульмы». Д.Д.: «Да, только ни одна еврейская экскурсия не поедет специально в Подкарпатье, чтобы его посетить. Кроме того, на торжества, посвященные открытию музея, было истрачено 350 тыс. злотых. Вы представляете, на какое посмешище выставило себя польское государство в ситуации, когда оставшиеся в живых Праведники народов мира голодают? Более того, половина из них даже не была приглашена на открытие музея. (...) Это еще не подтверждено официально, но уверяю вас, что через несколько месяцев Кнессет назначит Праведникам пенсию, что-то вроде ренты от государства Израиль. Они будут получать из Тель-Авива деньги, которые позволят им достойно прожить остаток дней. За этой инициативой стоит Хилик Бар. (...) Я встречался с польскими Праведниками и увидел, в каком ужасном материальном положении они находятся. А теперь впервые в истории Израиль будет платить пенсии людям, не являющимися гражданами этого государства». («Жечпосполита», 11-12 июня)

- «Г-жа премьер-министр Беата Шидло радостно объявила, что несколько сотен миллионов злотых пойдут на создание специальной организации, которая будет защищать доброе имя Польши за рубежом», — Людвик Стомма. («Пшеглэнд», 8-15 авг.)

- «В США в возрасте 90 лет умер Филип Бласковиц, польский еврей, последний из участников восстания узников в немецком концлагере Собибор. (...) В октябре 1943 г. восставшие освободили сотни узников. Бласковиц был уроженцем Избицы». («Жечпосполита», 9 авг.)

- Фрагменты дискуссии о “проклятых солдатах” — участниках польского послевоенного вооруженного подполья. Анна Хоронжи: «(...) Молодые люди, чьи предки иногда гибли от рук “проклятых солдат”, вступают в ряды националистических польских организаций». (...) Томаш Сулима: «По моим данным, около 20% националистов в Хайнувке исповедуют православие». (...) Олег Латышонок: «Мы сейчас подходим к обсуждению трагической для нас ситуации, когда православный поляк оказывается таким же чужаком православному белорусу, как поляк-католик». (...) О. Марек Лаврешук: «В церковь в последнее время приходят молодые люди в футболках с надписью: «Всепольская молодежь». (...) Олег Латышонок: «Култ “проклятых солдат” распространен там, где их не было, то есть в крупных городах, и в основном среди молодых людей, которые не помнят тех времен. Там, где действовали “проклятые солдаты”, люди еще помнят, кого и из какой семьи подпольщики убили, так что их трудно заставить поддерживать этот култ». («Пшеглэнд православный», июль 2016)

- «Пропагандистский миф о “проклятых солдатах” ставит своей целью делегитимизировать традицию Комитета защиты рабочих и всей демократической оппозиции, проводившей переговоры с коммунистами за Круглым столом. (...) ПиС объявляет себя наследником “проклятых”, не имея к тому никаких оснований», — Петр Осенко. («Ньюсуик Польска», 18-24 июля)

- «Мэр Пшемисля, исповедующий право-консервативные взгляды, воспрепятствовал проведению в своем городе концерта украинской группы «От винта». (...) Организаторы перенесли концерт группы в Варшаву. Однако пограничники не пустили украинских музыкантов в Польшу». (Войцех Мазярский, «Газета wyborcza», 4 июля)

- «Президент Украины Петр Порошенко, находясь в Варшаве на саммите НАТО, возложил венок, зажег свечку и преклонил колени перед памятником жертвам Волынской резни. Порошенко — первый украинский политик высокого ранга, решившийся на такой жест. (...) Волынская резня началась 11 июля 1943 года. (...) Это была кульминация этнической чистки на Волыни, в ходе которой погибли 17 тыс. человек». (Игорь Щенснович, «Газета Польска цодзенне», 11 июля)

- «“Память о жертвах преступлений, совершенных в 40-х годах украинскими националистами, не была надлежащим образом увековечена, а массовые убийства не получили квалификацию геноцида, как того

- требовала историческая правда”, — говорится в принятой Сеймом резолюции. (...) ПиС решил форсировать принятие резолюции, (...) объявив 11 июля Национальным днем памяти жертв геноцида. “Я очень сожалею о решении польского Сейма. Мне известно, кто собирается использовать эту резолюцию для своих политических спекуляций. И тем не менее мы должны помнить слова Иоанна Павла II: «Я прощаю и прошу прощения»”, — прокомментировал президент Украины Петр Порошенко. («Тыгодник повсехний», 31 июля)
- «В Пшемисле и его окрестностях отношение к украинцам становится все более похоже на отношение к евреям в межвоенной Польше. С некоторого времени в интернете началась настоящая буря: дескать, украинцы скупают наши земли и дома, делают бизнес, фактически управляют городом, эксплуатируют и унижают поляков. (...) Польские украинцы начинают чувствовать себя не гражданами, а мальчиками для битья. За УПА, за Волынь, за проспект Степана Бандеры в Киеве, за то, что кому-то что-то показалось», — Петр Тыма, председатель Союза украинцев в Польше. («Газета wyborcza», 6-7 авг.)
  - «Необходимо сделать все, чтобы Польша стала тем, чем сегодня является Турция, — заявил Ярослав Качинский в 2014 г. — Величие такого рода вполне достижимо. Сначала необходимо сменить власть, а затем реформировать польскую элиту, причем во всех сферах. (...) Определенные силы стремятся к тому, чтобы Польша никогда не стала такой, какой могла бы быть. Необходимо им помешать», — рисовал образ осажденной крепости Качинский. (Ярослав Курский, «Газета wyborcza», 23-24 июля)
  - «Мы имеем дело с прирожденным политиком, считающим, что мы можем реализоваться только сообща, и готовым посвятить этому единству всего себя без остатка. Это настоящий государственный муж. (...) Его искренность в описании своих политических начинаний не имеет ничего общего с обычным в таких случаях позерством. (...) Благодаря своей искренности Качинский был (и, возможно, остается) самым проницательным диагностиком болезней Третьей Речи Посполитой. (...) Перед нами — устойчивый к прихотям политической моды интеллектуал-государственник, который свои знания о мире черпает в основном из собственного опыта, наблюдений и общения с огромным количеством граждан из самых разных слоев общества. (...) Независимость мышления, здравый рассудок и наблюдательность позволяют ему отличить преходящее от неизбежного во всех сферах человеческой деятельности. (...) Качинский умеет не только точно диагностировать язвы Третьей Речи Посполитой (...). Все свою карьеру он посвятил борьбе с ними, а также формированию польского самосознания и польского государства, невзирая на любые неблагоприятные обстоятельства. (...) Невозможно переоценить результативность его работы», — Бронислав Вильдштейн об автобиографической книге Ярослава Качинского «Согласие против единовластия. Из истории СЦ» (СЦ — “Соглашение Центра”, польская политическая партия, непосредственный предшественник ПиС — прим. пер.), опубликованной издательством “Знак” («вСети», 27 июня — 3 июля)
  - «В прошлом году поляки купили 19 млн упаковок антидепрессантов, доступных только по рецепту. По сравнению с 2014 г. этот показатель увеличился на 1,1 млн, а по сравнению с 2013 г. — более чем на 2,6 млн, сообщает фирма “IMS Health”. Общая сумма закупленных антидепрессантов в 2015 г. составила 301,2 млн злотых. Годом ранее эта сумма была меньше на 22,1 млн, а в 2013 г. — на 35,6 млн». (Виктор Ферфецкий, «Жечпосполита», 25 июля).

3: Непокорный интеллигент в стране реального социализма

После того как роман «Малый апокалипсис» был издан нелегально, Тадеуш Конвицкий попал во все возможные проскрипционные списки и стал одним из самых знаменитых «нежелательных лиц» упоительного периода расцвета ПНР. Поэтому кажется настоящим чудом, что мне вдруг удалось — да еще именно в оруэлловском 1984 году — снять документальный фильм «Прохожий», главным героем которого был автор этой запрещенной книги.

Человеческая память, как известно, обманчива, поэтому я не ручаюсь за точность описания этих давних событий. Кажется, это было ранней весной 1984 года: во дворе варшавской Киностудии документальных фильмов я встретил двух ожесточенно споривших коллег. Еще издали я услышал, что они обсуждают идею фильма о Тадеуше Конвицком. Одним из собеседников был Томаш Мерновский, тогдашний директор Киностудии им. Кароля Ижиковского. Кто был второй — сегодня уже не помню. Я подошел, поздоровался и присоединился к разговору. Оказалось, что молодые кинематографисты решили снять документальный фильм об авторе «Малого апокалипсиса», однако писатель, побеседовав с ними, отверг предложенную концепцию. Очень расстроенные, мои собеседники размышляли о том, кто бы мог этим заняться. Тадеуша Конвицкого я знал много лет. Обожал его книги и фильмы. И давно мечтал снять о нем фильм, однако при всем моем богатом воображении мне бы и в голову не пришло предлагать подобную тему своему начальству на Киностудии документальных фильмов, поскольку было ясно, что они ни за что не согласятся. Возможно, я сам сказал, что готов за это взяться. А возможно, мне предложил кто-то из них. Были основания надеяться, что Конвицкий одобрит и меня в качестве режиссера, и мою концепцию фильма. Не помню точно, прямо ли там, во дворе киностудии, было принято решение, что автором фильма о Тадеуше Конвицком буду я, или спустя несколько дней или недель. Чтобы понять, каким образом вообще оказались возможны съемки такого фильма, следует хотя

бы вкратце рассказать о вышеупомянутой Киностудии им. Кароля Ижиковского. Она была создана по инициативе молодых кинодеятелей летом 1981 года, на волне бурных перемен, связанных с возникновением независимого профсоюза «Солидарность». Это была организация, идея которой родилась в среде кинематографистов и была одобрена властями в качестве своего рода «предохранительного клапана». Права, которыми пользовалась молодая студия, несколько отличались от тех, что регламентировали деятельность других киноструктур — они предоставляли куда большую свободу. Студия выпускала как художественные, так и документальные фильмы — полно- и короткометражные. Руководство, подобно начальству прочих киностудий, было обязано утверждать сценарии в Главном управлении кинематографии, но это касалось только полнометражных художественных фильмов. Другими словами, проект документального фильма о непокорном писателе представлял собой вполне осознанную попытку обмануть руководство социалистической кинематографии, не выходя при этом за рамки существующих инструкций. Киностудия воспользовалась своими привилегиями и, не утверждая сценарий в ГУК, запустила фильм в производство. Разумеется, некоторый риск тут был, и созданный таким образом фильм мог оказаться на полке. Мы не сомневались, что, скорее всего, этим дело и кончится, однако дружно решили, что имеет смысл попробовать — игра стоит свеч.

Как только стало ясно, что съемки состоятся, я энергично приступил к работе. Прежде всего, я решил заново перечитать все книги и пересмотреть все фильмы моего будущего героя. Не скрою: проверка моих юношеских впечатлений оказалась процессом весьма болезненным. По прошествии лет иные прежние восторги уже не были для меня столь очевидны и несколько померкли. Но это не имело особого значения. Тадеуш Конвицкий по-прежнему интересовал меня как человек и как художник, и я хотел попытаться рассказать о его сложной биографии.

Съемки фильма с рабочим названием «Нисхождение»^{Аллюзия на книгу Т. Конвицкого «Вознесение» — Прим. пер.} я решил начать с большого интервью с моим кумиром. Мы заранее решили, что разговор будет происходить в квартире писателя. Однако незадолго до начала съемок Тадеуш Конвицкий неожиданно передумал и заявил, что нужно найти какое-то другое место. Мол, он по собственному опыту знает, что киносъёмочная группа — это разрушительная стихия, сравнимая с набегом татар. Поначалу я запаниковал, но потом меня вдруг осенило. В декабре 1983 г. умер мой дед, последние годы проживший вдовцом. От него осталась квартира в центре Варшавы. Она идеально подходила для съемок: большая, тесно заставленная мебелью и чрезвычайно запущенная. Увидев будущую киносъёмочную площадку, автор «Современного сонника» тут же согласился. Писатель походил, поглядел, уселся в приготовленное для него кресло и сказал, что я сделал правильный выбор. Конвицкий понял, что пространство, в котором будет создаваться мой фильм о нем, должно быть значимо для меня, а не для него. И вот началась наша беседа, продолжавшаяся несколько дней. Я не составлял список тем, которые собирался затронуть. Разумеется, у меня имелся определенный план, но не слишком подробный, скорее так, наброски. Меня интересовали жизненные выборы, которые делал автор «Малого апокалипсиса», а также тайны его творческой кухни, и я решил спрашивать обо всем подряд, о любви и дружбе, о повседневной жизни и семье, о книгах и фильмах, о снах и мечтах, о взлетах и падениях. Я был убежден, что моя интуиция, а также доброжелательность и доверие в наших отношениях позволят достичь желаемого результата. Тадеуш Конвицкий согласился с таким форматом встреч под камеру, попросил лишь избегать расспросов, связанных с его жизнью в партизанском отряде и с коротким, но бурным увлечением коммунизмом. О виленских партизанах он не хотел говорить потому, что отряд воевал, главным образом, с Красной Армией, а сие «преступление» не имеет срока давности. Сведение же счетов с коммунистическим прошлым младшего поколения коллег по перу Конвицкий считал неприличными и называл «политической порнографией». Говорил, что по горло сыт этими чистенькими, не первой молодости юнцами, которые с горячным румянцем на щеках пытаются подловить старших товарищей, чтобы продемонстрировать их не слишком чистое белье и таким образом окончательно сбросить с пьедестала. Я согласился, что это серьезные аргументы, хотя понимал, что не смогу учесть их полностью. Я решил, что все же не стану щадить Тадеуша Конвицкого и спрошу о его тяготении к «новой вере», поскольку без этой детали весь портрет окажется фальшивым. Когда я в конце концов задал свой вопрос, Конвицкий не сумел сдержаться раздражения. Кинокамера подробно запечатлела эту бурю эмоций, показывая лицо писателя крупным планом. Он возмущенно отвечает: «Я поддался искушению марксизмом, прежде всего, по очень простой причине, которая для моих ровесников совершенно очевидна, но удивительным образом непонятна младшим поколениям... Из-за разочарования: мое поколение проиграло войну». Затем автор «Малого апокалипсиса» снимает очки, и мы видим совершенно другое выражение лица. Перед нами уже не ласковое лицо «добротного дядюшки», но суровое, гневное лицо солдата. Звучат слова, произнесенные с явной досадой: «Я мог бы вести себя по-барски, не снисходя до всего этого, с эдакой барской обидой на жизнь, но нет, я пал, пал... Можно сказать, пал на самое дно. Я был на стороне этих аппаратчиков, этих грешников».

Это до боли искреннее признание представляется мне одним из важнейших в фильме. Оно родилось в процессе насыщенного разговора под бдительным оком камеры. Подобных признаний за время нашей беседы прозвучало немало. Чрезвычайно важной темой стало искусство. Размышлениям о том, что означает писать и снимать фильмы, рисовать и сочинять музыку, мы посвятили немало времени. Мне с самого начала было ясно, что именно Искусство, вопреки видимости, имеет для нас обоим первостепенное значение. Это мое предположение подтверждается следующим высказыванием писателя: «Единственное, в чем мы преуспели, — это искусство,

поскольку искусство есть запись нашего присутствия. Много всего пережив, я пришел к выводу, что если человек пишет, то его не должны сковывать никакие внешние правила, следует слушать лишь свою совесть и запечатлевать свое время так, как диктует старомодная душа».

Наш разговор под камеру продолжался несколько дней. Когда он завершился, я понял, что цель достигнута. Было очевидно, что результат превзошел самые смелые мои ожидания. И собеседник, похоже, остался доволен. Через два года в книге «Новый Свет и окрестности» Тадеуш Конвицкий так описал начало нашего сотрудничества: «Сегодня я играл в фильме. Все было просто. За мной прислали машину, я сел в нее и, словно какая-нибудь кинозвезда, поехал на съемочную площадку. Там, в подсобном помещении, я долго-долго ждал, пока группа управится с юпитерами и камерой, которую заело, и она не включалась. (...) Наконец все заработало, и я напрягался и расслаблялся, изображал свободу, откровенность, непосредственность, а также старался время от времени ничего не изображать, чтобы внезапно стать самим собой, блеснуть умом, сверкнуть удачной мыслью и внезапно рассмешить беззаботностью, а если получится, то вдруг тронуть легкой сентиментальностью. Одним словом, я играл от всей души, играл в фильме, которому заведомо светит ранг «полковника», то есть с первого дня съемок всем известно, что его положат на полку».

Это яркое и необычайно забавное описание имеет мало общего с реальностью. Тадеуш Конвицкий не ждал «долго-долго» ни в каком «подсобном помещении», поскольку никакого такого помещения попросту не было. Группа состояла из нескольких человек, юпитер был всего один, а камера работала отлично, и ни разу ее не заело. Но обижаться не стоит. В этом описании есть обаяние, юмор, ирония и самоирония, все черты стиля прирожденного беллетриста, каким был светлой памяти Тадеуш Конвицкий. Лишь предположение, что фильм положат на полку, выглядело весьма правдоподобным, но эту гипотезу — на грани стопроцентной уверенности — я отгонял подальше, меня переполняла радость, что фильм все же и несмотря ни на что рождается на свет. Конвицкий во время интервью действовал согласно собственной стратегии, которую отчасти раскрыл в процитированном выше тексте. У меня была своя. Я точно знал, что хочу узнать и что для меня важно. Я чувствовал, что этому прирожденному рассказчику нужно дать время разговориться. Поэтому часто задавал вопросы стандартные, ненужные, подменяющие собой другие — для, так сказать, затравки. Давал ему разойтись, чтобы затем внезапно и прицельно атаковать вопросом по существу.

Количество киноплёнки, с которой мы работали, было в те времена строго регламентировано. Из соображений экономии я держал в руке устройство, при помощи которого можно было включать и выключать камеру. Звук же записывался непрерывно. Этот выключатель я прятал под столешницей, чтобы писатель не знал, когда камера работает, а когда нет. Дело в том, что мне не хотелось раскрывать свою уловку. Камера была в звукозаглушающем боксе, то есть работала практически бесшумно. Однако она стояла так близко, что ухо киношника не могло не уловить момент включения. Я опасался, что Тадеуш Конвицкий, выдающийся писатель, но также и прекрасный кинорежиссер, разоблачит мою злосчастную хитрость. Однако этого не случилось. Конвицкий не слышал, как включается и выключается аппарат. И не потому, что был глуховат. Оказалось, что в его утверждениях, будто сам он себя считает режиссером-любителем, есть доля правды, это не чистой воды кокетство, как я полагал прежде.

Съемки с самого начала проходили в атмосфере подлинной эйфории. Все преграды моментально рушились. Первый, самый главный этап — интервью с писателем — был позади. Я понимал, что снял потрясающий материал, и теперь надо только не уронить планку на следующем этапе работы. С «1984» Оруэлла я тогда не расставался, это была главная моя книга. А на дворе стоял тот самый год. Стоит ли удивляться, что мне хотелось запечатлеть в своем фильме два важнейших праздника тогдашнего строя, 1 мая и 22 июля. «Праздник труда» до 1980 года отмечали очень пышно, это было триумфальное, массовое мероприятие, призванное демонстрировать всеобщую поддержку народной власти. Представители рабочего класса, крестьянства и трудовой интеллигенции стройными рядами вышагивали по улицам и площадям всех стран «народной демократии». Однако в Польше 1984 года это мероприятие проходило совсем не так. Демонстрации на сей раз носили исключительно камерный, элитарный, несколько застенчивый и чуть ли не конспиративный характер. В Варшаве товарищи маршировали по Гжибовской площади. Небольшая, гротескная демонстрация шла из ниоткуда в никуда. Я отчетливо ощущал, что заканчивается некая эпоха, что это уже декаданс, закат. Подобная же атмосфера царила в день годовщины Июльского манифеста, праздновавшегося на Стадионе Десятилетия. Накануне на монументальном здании Дворца культуры, как обычно, вывесили государственный герб. Водружение орла на стену Дворца я снял покрупнее с крыши универмага «Центрум», с этой сцены и начинается фильм «Прохожий». Спустя некоторое время оказалось, что летом 1984 года герб ПНР висел на Дворце культуры в последний раз. Тадеуш Конвицкий шутил, что тут не обошлось без нашего фильма.

После летних каникул мы продолжили съемки. Я работал, словно в амоке, веря в успех, на гребне вдохновения. Фильм созревал в моей голове, и я уже совершенно позабыл, что он, возможно, обречен на небытие. В дедушкиной квартире я с энтузиазмом снимал небольшие сценки, лишь несколько из которых вошло в фильм. Там же я поставил фрагмент «Малого апокалипсиса». К автору, которого играл Густав Холоубек, приходят двое соратников по оппозиции, Хуберт и Рысь (Ян Энглерт и Мацей Шарый). Они беседуют о том о сем, пьют водку, наконец Хуберт говорит: «Мы хотим тебе кое-что предложить. От имени товарищей». Обеспокоенный писатель неуверенно спрашивает: «Что вы хотите предложить?» Хуберт решительно отвечает: «Сегодня в восемь вечера

ты устроишь самосожжение перед зданием Центрального Комитета».

Сегодня уже трудно понять, какое это было для меня счастье — иметь возможность снять сцену из «Малого апокалипсиса», да еще в таком великолепном актерском составе. Ставя фрагменты книги обожаемого писателя, внесенной в проскрипционные списки и приговоренной к небытию, я испытывал чувство полной свободы. И словно бы не замечал окружающей реальности — военного положения, зеленых человечков на экране телевизора, нападок в прессе, постоянной травли, всеобщей подозрительности, ежедневных сеансов ненависти, продуктовых карточек и арестов.

В процессе съемок мы также запечатлели множество городских сценок. Зачастую это были ситуации, на первый взгляд, не связанные с содержанием фильма. Мы снимали в трамваях и на вокзале, на улицах и на рок-концерте. Оператор, Рышард Гаевский, порой возмущался, что мы зря переводим пленку. Но он был не прав. Почти весь этот съемочный материал пошел в дело.

У Тадеуша Конвицкого имелись свои устоявшиеся ритуалы и маршруты. У него был необычайно четкий распорядок дня. Ежедневно в полдень писатель усаживался за свой столик в кафе Бликле на Новом Свете.

Оттуда шел обедать в издательство «Читательник». Потом возвращался — всегда по одному и тому же маршруту — в свою квартиру на улице Гурского. Именно на этом маршруте мы видим героя «Прохожего» в конце фильма. И слышим очень важное высказывание, целиком, за исключением последней фразы, где съемка синхронная, снятое тремя кадрами. Сначала писатель выходит из кафе издательства «Читательник» и по улице Вейской медленно удаляется в направлении площади Трех крестов. Затем Конвицкий переходит Иерусалимские аллеи, а на заднем плане видны очертания зловещего здания Центрального Комитета ПОРП. И, наконец, Конвицкий идет по улице Гурского, а за спиной у него маячит в тумане силуэт Дворца культуры и науки, многократно фигурировавшего в его книгах и фильмах. Эти иллюстративные кадры — прогулка писателя по улицам города — сопровождаются словами: «Важнейшей функцией искусства является помощь ближнему, который, как и мы, ни за что, ни про что обречен пребывать в сей юдоли. А страдает ближний, прежде всего, от одиночества, заброшенности, это наихудшая из кар. Я думаю, что всякая любовь, всякая дружба берет свое начало в безумном, пронзительном, чудовищном чувстве одиночества. Я хочу быть прохожим, которого человек встречает в жизни... Помахать ему рукой, дать знать, что вокруг тоже люди, что он не один».

Эти слова, вне всяких сомнений, можно считать своего рода кредо Тадеуша Конвицкого. Они со всей определенностью свидетельствуют о том, что все его творчество пронизано мыслью о человеческом сообществе, страстной верой, что оно, пусть и хрупко и непросто, но все же возможно. Из этой необычайно важной для меня реплики я также взял название фильма, герой которого — мудрый, остроумный и полный эмпатии Прохожий. Решив, что фильм будет открываться сценой монтажа герба на здание Дворца культуры, я подумал, что можно использовать подобный прием и в финале. Камерой для поккадровой съемки, установленной на балконе квартиры на ул. Новы Свят, мы несколько часов, вплоть до самых сумерек, снимали автобусную остановку. Этот кадр, сопровождающийся бурной панк-рок музыкой, завершает фильм. Как призыв воспринимаются строки песни Томека Липинского «84 год»:

Звучат последние слова:

Нет, коли плохо тебе, ты не плачь...

Нет, не беги, ведь куда нам бежать...

Нам ломаться нельзя...

Нет, нельзя.

Нет, нельзя!

В октябре приступили к монтажу, а в ноябре фильм был уже готов. Чтобы лучше передать атмосферу тех дней, процитирую несколько записей из дневника, который я тогда вел:

5.10.1984

Я работаю над этим фильмом не хуже обычного, даже лучше. И результат лучше. Работаю без особого напряжения, но фильму это на пользу. Он лучше двух предыдущих, возможно даже, что это самый лучший из моих фильмов. В нем много свободы и непосредственности, гибкости мышления, и нет прежних судорожности, педантизма, аскетизма и сухости. Этот фильм пульсирует, дышит, живет.

29.11.1984

Показ фильма для Конвицкого. Он с женой. Рядом со мной монтажница, Эля Курковская, мы сидим сзади. Я все время смотрю на его спину, пытаюсь по ней определить, что писатель думает о фильме. Мука мученическая. Зажигается свет. Он, лицо совершенно непроницаемое. Когда мы идем по коридору, пани Конвицкая, сжавшись, говорит какие-то слова. В тот же день публичный показ. Зал полон. Фильм принимают на ура. Вдруг оказалось, что все элементы этого сложного паззла образуют гармоничное целое. Интервью-река с Тадеушем Конвицким, наблюдения над повседневной жизнью ПНР образца 1984 года и масса архивных кино- и фотоматериалов сложились в цельное, многоплановое и динамичное повествование о проблемах нашей

повседневности. Благодаря герою этого фильма удалось добиться результата, в документалистике встречающегося достаточно редко. Потому что Тадеуш Конвицкий сумел великолепно передать дух времени. Мы встретились в нужный момент. Он ощущал потребность рассказать о себе, а я хотел и умел его выслушать. Герой моего фильма открылся передо мной на самом деле, а не просто изображал «свободу, откровенность, непосредственность». С полным доверием, абсолютно искренне и очень мужественно он рассказал историю своей сложной жизни. Получился портрет человека, попавшего в мясорубку Истории. Но в этом предельно индивидуализированном портрете легко обнаружить универсальные черты. Говоря о себе, Тадеуш Конвицкий рассказывает и о положении, в котором находились в стране реального социализма все непокорные интеллигенты.

После этого сеанса для супругов Конвицких мне удалось организовать еще два просмотра на территории Киностудии документальных фильмов. Они состоялись 17 и 18 декабря. Оба раза атмосфера была оживленной, а зал трещал по швам, поскольку в городе уже пошли слухи, что фильм «неблагонадежный». И тут начались серьезные проблемы. Попытка организовать еще один показ провалилась, а рабочая копия фильма исчезла из монтажной при загадочных обстоятельствах. Воцарилось глубокое молчание. Я совершенно не понимал, что происходит, хотя, разумеется, догадывался. Через несколько лет, уже во времена Третьей Речи Посполитой, ко мне в руки попали документы, проливающие новый свет на те события. Один из них — письмо от 27 декабря 1984 года, в котором директор варшавской Киностудии документальных фильмов Чеслав Санделевский информирует тогдашнего шефа кинематографии Ежи Байдора о том, что он наказал нескольких сотрудников Киностудии и просит одобрить его решение. Шеф кинематографии передал эту бумагу секретарю ЦК ПОРП Вальдемару Свиргоню, приписав от руки: «Одобряю». К документу прилагается служебная записка, из которой следует, что «21 декабря 1984 года состоялось совещание, посвященное организованному на Киностудии документальных фильмов показу киноленты под названием „Нисхождение“, снятой на Киностудии имени К. Ижиковского режиссером Анджеем Титковым; на показе присутствовали представители художественной среды, связанные с оппозиционной деятельностью, а также иностранцы». На этом документе — приписка рукой Ежи Байдора (адресованная, видимо, секретарю ЦК Вальдемару Свиргону): «P.S. Одновременно сообщаю, что в связи со сложившейся ситуацией режиссер А. Титков лишен заграничной стипендии (в Норвегии)». Другой документ — анонимное «Приложение к ежедневному рапорту за 30.12.1984». Эта четырехстраничная записка представляет собой критический анализ деятельности Киностудии им. Кароля Ижиковского, а также подробный разбор моего фильма и связанных с ним событий. Уже первая фраза вселяет ужас: «В 1984 г. на Коммунальном предприятии «Киностудия им. К. Ижиковского» режиссер Анджей Титков, который известен своей антисоциалистической позицией, снял сорокаминутный фильм под названием „Нисхождение“, представляющий собой кинопортрет Тадеуша Конвицкого». Затем ужас постепенно нагнетается: «Сопровождаемые рассказом Т. Конвицкого кадры, в которых присутствуют партийные лидеры — Б. Берут, Вл. Гомулка, Э. Герек, ген. В. Ярузельский — на фоне встреч, митингов и демонстраций, имеют однозначно антисоциалистическое звучание». И, наконец, зловещий финал: «Фильм о Т. Конвицком до сих пор не получил оценки Главного управления по контролю над прессой, публикациями и зрелищами и не был представлен Киностудией на рассмотрение. Несмотря на это, Анджей Титков хитростью организовал на территории варшавской Киностудии документальных фильмов два просмотра киноленты, один 17 декабря, второй — 18-го, на которые пригласил около восьмидесяти человек. Среди приглашенных — люди, занимающие однозначно антисоциалистическую позицию, такие как: Виктор Ворошильский, Анджей Дравич и Анджей Лапицкий, а также представители Посольства США в Варшаве и западные журналисты». Далее в письме анализируется деятельность Киностудии, сообщается, что на сегодняшний день там создано уже семь фильмов, не разрешенных к прокату по причине их нежелательного идейного звучания. Из текста, однако, явствует, что лишь фильм о Тадеуше Конвицком и два показа, которые я «хитростью» организовал, представляют подлинную угрозу для социалистического строя. Угрозу столь серьезную, что эту бумагу получила вся партийная верхушка: Войцех Ярузельский, Казимеж Барциковский, Юзеф Чирек, Збигнев Месснер, Тадеуш Порембский, Ян Гловчик, Флориан Сивицкий, Вальдемар Свиргонь, Мечислав Ф. Раковский, Витольд Навроцкий, Казимеж Жигульский.

Потом наступили Рождество и Новый год, так что ничего не происходило, но уже в январе ход событий неожиданно ускорился. Поскольку человеческая память обманчива, а я продолжал вести дневник, процитирую несколько записей, которые показывают, как назревала не слишком удачная для меня кульминация этого сюжета.

10.01. 1985

Все крутится вокруг фильма о Конвицком. На встрече в костеле я познакомился с Тадеушем Шимой, от которого узнал, что цензура вырезала упоминание о моем фильме из интервью Вайды еженедельнику «Тыгодник повсехный». Кроме того — отсутствие решения по фильму, отсутствие решения, уже само по себе являющееся решением. (...) Изменение Министерством вердикта относительно моей стипендии. Много всего. Несколько бессонных ночей. Несколько ночей, когда просыпаешься на рассвете и не можешь уснуть...

14.01.1985

Сегодня фильм смотрит цензура. И снова никакого решения. Один из них, какая-то важная шишка, мне: «Что ж, о фильме много говорят, мы не можем это так оставить». К тому же еще висящая в воздухе двусмысленность. Мы с цензором в одном зале, словно по одному и тому же делу, словно объединившиеся против фильма. И во мне какое-то чувство неловкости вместо радости и гордости за удачный фильм. Да и фильм уже не мой. Он живет собственной жизнью, пуповина перерезана, он обособился, отвалился от меня. (...) Потом фильм вернули. Шофер из цензуры подошел и поздравил. Киномеханик взволнован — мол, такие шишки смотрели фильм, Свиргонь, Миргонь, еще какие-то члены и секретари.

15.01.1985

Фильм забрали на какой-то очередной просмотр. Якобы в воеводском Комитете. Караул!

17.01.1985

И вот наконец сегодня — Байдор. Началось с ора. У меня вдруг возникло ощущение, будто все это меня не касается, будто мужик этот из другой игры — зарвавшийся, претендующий на то, на что не имеет права. Ну да! Но, может, это он в игре, а я нет, поскольку абсолютно не признаю его власть надо мной. Но он ведь говорит от лица этой власти, которой служит, ее именем. (...) Так что же имеет мне сказать господин министр? Что я нарушил закон, поскольку художник не имеет права показывать свой фильм без визы цензора. Что я несу ответственность за сложившуюся ситуацию. «Вы устраиваете показы, демонстрируете фильм публике, причем определенному контингенту». И добавляет, что в наказание у меня отобрали стипендию. Я: «А вот это, по-моему, некрасиво». Он: «Если бы вы вели себя прилично, мы могли бы обсудить, что такое красиво и что такое некрасиво».

Итак, в ходе этого единственного, довольно неприятного и утомительного разговора я узнал, что лишен весьма соблазнительной стипендии, которую дал мне вовсе не министр Байдор, а правительство Норвегии, и возможности снять художественный фильм по роману Марека Хласко «Сова, дочь пекаря». В результате этой беседы, а также всевозможных закулисных манипуляций, о которых я тогда не имел понятия, фильм «Прохожий» был положен на самую верхнюю полку, а сам я получил уже не первый в моей жизни «волчий билет».

22 апреля 1985 года меня вызвали «для беседы» в Главное управление по контролю над прессой и зрелищами, иначе говоря, в Управление цензуры. Это мрачное учреждение представляла милая, красивая и очень неглупая женщина. То, что происходило между нами, напоминало скорее шахматную партию, нежели боксерский матч. Пани цензор была решительна и настойчива. Я тоже твердо стоял на своем, но проявлял гибкость. Первой жертвой стала сцена из «Малого апокалипсиса». Пани цензор хотела вырезать ее полностью. В конце концов порешили на том, что я уберу только слова «Центрального комитета партии». Теперь текст звучал так: «... чтобы ты сегодня в восемь совершил самоожжение у здания...». После этого слова идет резкая, жесткая и недвусмысленная смена кадра. Я сражался за каждую склейку, за каждое слово. Какие это были слова и кадры, я сегодня уже не помню. Пани цензор точно требовала вырезать кадр с генералом Ярузельским в толпе на стадионе Десятилетия в день Праздника национального возрождения, то есть 22 июля. Мне было жаль этого кадра, но из стратегических соображений, чтобы спасти несколько других, я уступил. В общем, вмешательства оказались не слишком серьезными и носили скорее косметический характер. В целом я остался доволен, уверенный, что отвоевал то, что возможно, и пожертвовал тем, что и так было не спасти. В какой-то момент между нами произошел весьма характерный диалог. Она: «Войдите в мое положение». Я: «А вы — в мое...» Фильм таким образом получил пресловутую «визу цензора», однако на его статусе это никак не отразилось. «Прохожий» продолжал лежать на полке. Несмотря на активные старания коллег по Киностудии, руководство кинематографии не дало разрешения на участие фильма в Кинофестивале в Мангейме. Фильм также не приняли на Краковский кинофестиваль, под предлогом, что он на несколько минут длиннее, чем полагается. В конце концов я сам послал его на проходивший во Вроцлаве не очень приметный фестиваль «Фильм за пределами кинотеатра». Но узнав, что «Прохожий» — в числе возможных призеров, забрал его, не потому что испугался, а из тактических соображений, ведь я-то как раз страстно желал, чтобы мой фильм показали в кинотеатрах. Вскоре со мной связался Гжегож Богута из хорошо мне известного Независимого издательства «НОВА»: сообщил о создании предприятия «ВИДЕОНОВА», целью которого является распространение видеокассет с фильмами-«полковниками», и предложил отдать им «Прохожего». Я охотно согласился. Вот тогда я и выкрал из монтажной цензурированную рабочую копию «Прохожего», чтобы переписать ее на электронный носитель. Эту операцию удалось осуществить благодаря неоценимой помощи Яцека Петрицкого. «ВИДЕОНОВА» начала свою деятельность с «Допроса» Рышарда Бугайского, а на второй кассете уже был мой «Прохожий», вместе с документальным фильмом «Есть» Кшиштофа Краузе. Эти кассеты, как и книги, издаваемые «НОВОЙ», пользовались большим успехом. Таким образом фильм, обреченный властями на небытие, приобретал известность. Его демонстрировали на закрытых и открытых, нелегальных, полуполигальных и вполне публичных показах, в залах церковных общин, в подвалах и на чердаках, в университетских аудиториях и на частных квартирах, а я, хотя уже имел на своем счету ряд достойных фильмов, прославился, главным образом, как

режиссер «Прохожего». Кроме того, я получил премию «Солидарности» по культуре за 1984 год. Лишь в феврале 1987 года фильм был передан в «малый» прокат и показан в нескольких Дискуссионных кино клубах. Осенью того же года я пытался убедить Главное управление кинематографии разрешить совместный показ «Прохожего» и художественного фильма Роберта Глинского «Воскресные игры», также снятого на Киностудии им. Кароля Ижиковского. Однако и эта инициатива, вследствие упорного сопротивления непреклонного шефа кинематографии Ежи Байдора, осталась неосуществленной. И наконец, для полноты картины следует добавить, что первый вполне официальный показ этого фильма состоялся по общественному телевидению осенью 1989 года.

Перевод Ирины Адельгейм

4: Тадеуш Конвицкий — писатель в изгнании

В «Малом апокалипсисе» Тадеуш Конвицкий писал: «(...) я этот город чуточку люблю, не так сильно, как эти своры лакействующих артистов, каковые любят крепко, до безумия, любят за деньги (...)» Тадеуш Конвицкий, Малый апокалипсис : Пер. А. Ермонского. — М. : Радуга, 1995. И все же Варшава оказалась для его творчества пространством не менее важным, чем родная Долина на Виленщине, хоть и представляла собой ее противоположность. В столицу Конвицкий переехал в 1947 году из Кракова, вместе с редакцией журнала «Одрозене», где работал корректором. Город лежал в руинах. В сравнении с очарованием долины реки Вильни, по которой по-прежнему тосковал автор «Трясины», Варшава решительно проигрывала. Именно такой образ столицы — грязного, серого и мрачного города — запечатлел Конвицкий в своей прозе. На восприятие писателя повлияло и то, что Варшава стала для него местом изгнания.

Отношение Конвицкого к польскости было специфическим. Он часто подчеркивал свою автономность, всегда представлялся литовцем, хоть и не имел в виду национальные различия. Речь скорее шла об иной — тамошней — ментальности, ином мировосприятии, то есть совершенно ином опыте, нежели тот, что имелся у его коллег, выросших в Царстве Польском. Таким образом, Конвицкий постоянно обрекал себя на положение эмигранта, человека, в силу обстоятельств вынужденного строить жизнь на новом месте, с которым он себя, в сущности, никогда не отождествлял. Его творчество и жизненную мудрость питала Виленщина. Воплощенный писателем образ Варшавы заставляет предположить, что Конвицкий этот город не любил, хотя это не совсем так. В разговоре со Станиславом Бересем он говорил: «Варшаву я описываю только потому, что живу в этом городе и хочу это как-то выразить. Столица не могла не появиться в «Малом апокалипсисе», но там я говорю о ней словно бы безразлично. Она меня совершенно не волнует. Я, правда, пытаюсь что-то предпринять, стараюсь, например, чтобы Дворец культуры значил больше, чем он значит в реальности, подстегиваю этот мир, спасаю его, как умею, но, в сущности, все мои усилия тщетны» T. Konwicki, Pół wieku czyśćca, rozm. S. Nowicki [S. Bereś], Warszawa 1990. Мне, однако, это равнодушие по отношению к столице представляется несколько показным; возможно, оно объяснялось стремлением сохранить свою автономность — образ человека оттуда. Конвицкий создал собственный варшавский мир, подобно тому, как создал Долину. Доказательством может служить, в частности, организованная в 2012 году прогулка по Варшаве Конвицкого. Улица Гурского, улица Новый Свят, кафе при издательстве «Читательник», Дворец культуры — места, уже неотделимые от фигуры писателя. Как отмечал в разговоре с Бересем сам Конвицкий, сюжеты его книг могут разворачиваться только на Виленщине или в Варшаве — попытки перенести действие в какое-либо другое место заканчиваются фиаско^T. Konwicki, Pół wieku... op.cit.

Клеймо ПНР

Столица, куда Конвицкий попал спустя всего два года после расставания с Виленщиной, не могла не показаться ему местом чрезвычайно мрачным. Человеку, воспитанному в совершенно иной реальности, родившемуся и выросшему, как он сам говорил, на краю света, привыкшему к близости природы, было трудно адаптироваться к этому миру. Отсюда у Конвицкого персонажи, блуждающие по Варшаве, но мысленно, в мечтах переносящиеся в Долину. Город в его прозе — пространство, не способное дать своим обитателям ничего ценного, место, где даже быт требует определенных навыков и знания правил игры. Купить что-либо практически невозможно, повсюду огромные очереди, попытка решить какой-либо вопрос в государственном учреждении, как правило, оборачивается абсурдом, требует задействования целой цепочки знакомств, а нередко также и взятки. Проблемы эти порождены реальностью ПНР. Вынужденные существовать в подобных условиях, люди стараются просто выжить, отказываясь строить планы на будущее и добиваться своих целей, что ведет ко всеобщему оцепенению и практически полному безразличию к окружающему миру. Особенно ярко это состояние общества отражено в

«Малом апокалипсисе», где, по сути, никто никого не слушает»^{A. Fialkiewicz-Saignes, Mała apokalipsa, czyli udana profecja [w:] Kompleks Konwicki. Materiały z sesji naukowej zorganizowanej w dniach 27—29 października 2009 r. przez Wydział Zarządzania i Komunikacji Społecznej UJ oraz Wydział Polonistyki UJ, red. A. Fiut, T. Lubelski, J. Momro, A. Morstin-Popławska, Kraków 2010.}

Повествователь — несостоявшийся писатель и «пророк», который твердит, что ему не удастся донести свои идеи до широкого круга слушателей. Общество не слышит художников-пророков. Столь же равнодушно оно к тому, что пытается сообщить ему власть, о чем наглядно свидетельствует повальная привычка смотреть трансляции важных политических событий, выключив звук. Очевидно также, что и власть, в свою очередь, остается глуха к каким-либо требованиям со стороны общества.

При описании столпотворения на варшавских улицах подчеркивается животное начало человека. Повествователь уподобляет людские толпы «табунам», утверждает, что они «(...) мчали, словно суетливые грибки».

Обнюхивали торговые точки, (...) искали поживы (...)»^{Тадеуш Конвицкий, Малый апокалипсис : Пер. А. Ермонского. — М. : Радуга, 1995.}

В «Вознесении» толпа предстает бесформенной серой массой, хаотично перекаत्याщейся по улицам Варшавы — словно вода, вливающаяся в каждую щель. Несколько более индивидуализированы персонажи, которых встречает герой «Подземной реки...» Седьмой; здесь, а также в «Зверочеловекомороке», меньше подчеркивается запруженность столичных улиц. В этих двух книгах писатель изображает государственных служащих, художников, домохозяек, инженеров и т.д. — социальный срез общества. Однако вне зависимости от того, идет ли речь о социуме в целом или отдельных личностях, все погружены в апатию, заторможены, не видят смысла в какой бы то ни было деятельности, создании чего-то нового. Варшавяне в творчестве Конвицкого лишены идеи, которая могла бы вывести их из состояния летаргии, и единственной целью общества становится монотонная повседневность.

В состоянии оцепенения пребывает также вся инфраструктура города и печальные клочки природы, пытающиеся выжить в сером городе. «Почерневшие кусты сирени», «рахитичные деревца», «одичавший парк», «обкусанный луг» — вот лишь некоторые из определений, которые использует повествователь, описывая варшавскую реальность. Дома ветшают, рушатся, от крыш отваливаются куски жести и черепица. Подобно людям утомлены и машины — вездесущие танки, трамваи и автомобили, которые обычно не едут, а катятся, стонут, мчатся и т.д. При описании их повествователь неизменно использует лексику, отсылающую к чувству истощенности и страдания. В «Подземной реке...» на столичных улицах стоит тревожная тишина, в «Вознесении» и «Малом апокалипсисе» Варшава гудит — тарахтят моторы, из громкоговорителей доносятся официальные сообщения. Неотъемлемым элементом варшавского мира является также не стихающий, навевающий тревогу ветер.

Вездесущая милиция то и дело останавливает граждан, контролируя буквально каждый их шаг. По каким-то загадочным причинам постоянно отключают воду, газ и свет. Грязные улицы украшаются к государственным праздникам, толпы равнодушно скандируют лозунги на патриотических демонстрациях и шествиях. По причине хронического, почти тотального дефицита вместо многих вещей используются имитации, например, в витрине мясного магазина вместо колбас выставлены пенопластовые муляжи — декорации к празднованию сороковой годовщины Польской Народной Республики.

Центр столицы — Дворец культуры и науки, много раз описанный Конвицким и ставший в его прозе своего рода азимутом, неотъемлемым элементом города. Можно заметить, что автор испытывает по отношению к этому зданию одновременно неприязнь и привязанность: с одной стороны, в его книгах звучит немало критических замечаний в адрес Дворца культуры, с другой, он присутствует почти во всех варшавских романах писателя, а в «Вознесении» становится местом действия финальной сцены.

Виленские черты

Однако, несмотря на удручающий характер реалий социалистической Варшавы, в ее образе можно обнаружить виленские черты, что не раз отмечали исследователи, в частности, Ян Вальц^{J. Walc, Nieepickie powieści Tadeusza Konwickiego, „Pamiętnik Literacki” 1975, nr 66.}

Об этом спросил Конвицкого Станислав Бересь, писатель же ответил довольно уклончиво: «Безусловно! Не Бещады, не Нижняя Силезия, а просто Виленская колония, наперекор течению времени перенесенная в ПНР. Это жест самозащиты, понимаете? В свое время я два года прожил в Кракове и полюбил этот город, но в литературном смысле он мне ничего не дал. Ни «драйва», ни запала, ни энергии. Впрочем, подобным образом обстоит дело и с Варшавой (...)»

Лучше всего я себя чувствую, когда помещаю персонажей в пространство своего детства, по-всякому приспособливая его к дню сегодняшнему. Единственное исключение, пожалуй, — Варшава, к которой я все же в конце концов привык. Но и тут возникают пейзажи моей молодости. Разумеется, не буквально, я имею в виду скорее настроение, ауру или магию»^{T. Konwicki, Pół wieku... op.cit.}

В самом деле, в образ уставшего бетонного города вкрадываются интонации загадочности. Плутания героев Конвицкого по улицам столицы отсылают к атмосфере виленских лесов, описанных, например, в «Трясине». С одной стороны, это территория знакомая и, казалось бы, освоенная, с другой, настолько изменчивая, что город кажется живым, самостоятельным существом. Поэтому герои никогда не ощущают себя в полной безопасности, «дома», вне зависимости от того, шагают ли они по улице или ложатся спать в собственной квартире.

Подобным образом воздействует и упомянутая писателем магия. Неведомо откуда появляются одни люди и исчезают другие, по ночам в городе орудует убийца по прозвищу Вампир, о котором ходят легенды. Особенно ярко это ощущается в «Вознесении», онтологический статус героев которого с трудом поддается определению. Если считать, что главные герои «Вознесения» — блуждающие по Варшаве призраки, а к такой мысли подталкивает читателя и сам автор, можно сказать, что Варшава, подобно Виленщине, предстает пространством, где естественным образом сплетаются два мира: мир живых и мир умерших. Интересно, что приемы, способствующие созданию этого специфического настроения, весьма сложно уловить. Мы ощущаем: что-то происходит, однако, что именно — непонятно, и это еще больше усиливает таинственность повествования. В варшавских джунглях есть точки, где герои останавливаются чаще обычного. Это всевозможные заведения, закусочные и бары, порой подпольные, порой вполне легальные. Продолжая сравнение города с дремучим лесом, можно уподобить их полянкам, которые служат местом отдыха. При этом нередко оказывается, что именно здесь бурлит жизнь, именно здесь встречаются яркие личности, которых так не хватает в повседневности захлестывающей улицы серой толпы. Именно здесь соприкасаются разные слои общества — их представители вместе проводят свободное время и топят печаль в алкоголе. Вспыхивают романы и обделяются темные делишки. Появляются мелкие жулики, стриптизерши и женщины легкого поведения, лица значительные и влиятельные, порой даже представители власти, художники, а то и участники похорон соберутся на поминки. Эта «сборная солянка» отчасти напоминает социум долины Вильни.

Таинственность и тревогу навеивает также поведение главных героев. В «Вознесении», «Малом апокалипсисе», «Подземной реке...», «Польском комплексе» и «Ничто или ничего» персонажи находятся в постоянном движении. Как правило, в самом начале повествования герой покидает квартиру и начинает свои скитания по городу. Главные события разворачиваются именно на улицах и в окрестных питейных заведениях. Постоянные перемещения, с одной стороны, поддерживают динамику текста, с другой, вызывают тревогу, поскольку заставляют задуматься над причиной этих блужданий, как правило, достаточно горькой. Ведь герои бродят по Варшаве, скрываясь от властей, пытаясь что-то понять в себе или переосмыслить собственную жизнь. Одновременно они напоминают обычных безымянных прохожих, появление и исчезновение которых остается никем не замеченным.

Два мира Конвицкого

Двухчастность пространства в творчестве Конвицкого бросается в глаза, это отмечали все исследователи его прозы. Однако обычно при анализе исходят из простого противопоставления: Вильно — Варшава, деревня — город, край детства — место эмиграции. Как нам кажется, проблема требует более глубокого рассмотрения. Реалии социалистической Варшавы, среди которых протекала жизнь Конвицкого, и которые он так часто клеймил в своих романах, как раз и породили лейтмотив Долины в таком виде, какой предстает перед нами в тексте. Долина — художественная реакция писателя на окружающую действительность. Можно предположить, что окажись Конвицкий в другом уголке страны, этот мотив все равно бы прозвучал в его прозе, однако трудно сказать, какую бы он принял форму. Поэтому если варшавские реалии в значительной степени определили образ виленской Долины, то можно сделать вывод, что автор отождествлял Виленщину с ценностями, которых не хватало ему в столице.

По словам Анны Фиалкевич-Сэнь, особенно в «Малом апокалипсисе» поражает раскол между реальностью и созданной коммунистами вымышленной действительностью. Слова, как выясняется, утратили всякую ценность. Злоупотребление и манипулирование их смыслами привело к ситуации, когда многие ценности размыты, а общество глухо к каким бы то ни было сообщениям со стороны властей ^{A. Fialkiewicz-Saignes, Mała apokalipsa... op.cit.}. В качестве примера исследовательница приводит гротескную сцену обрушения моста, пролет которого падает прямо на проплывающий по реке лозунг «Мы построили социализм!» Заметим, что подобным образом обстоит дело и с развешанными по всему городу неоновыми вывесками, которые часто упоминаются в тексте. Украшающие обветшавшие здания, жителями они уже просто не воспринимаются.

Об отсутствии идеи, которая могла бы воодушевить общество и заставить людей действовать, писатель утверждает во всех своих книгах, посвященных эпохе ПНР. Милош Клобуковский отмечает, что специфическое превосходство Виленщины заключается именно в том, что ее обитатели сохранили этос и традиции, что помогло сберечь и определенные модели поведения ^{M. Kłobukowski, „Traktat o tragiczności i blazeństwie” czyli Tadeusza Konwickiego}

^{kompleks tragiczny [w:] Kompleks... op.cit.}. Польское же общество, устав от перманентной несвободы, в определенный момент не столько отвергло и отринуло, сколько утратило ряд моделей и ценностей, вследствие чего они оказались размыты и перестали функционировать. Таким образом, постоянные «возвращения» в Долину порождены идеологической пустотой и апатией, в которую погружено общество. Виленщина видится столь заманчивой именно потому, что там эти ценности живы, пускай даже они не всегда могут быть применены на практике: этой проблеме посвящена «Трясина» — горькое повествование о невозможности существования в соответствии с высокими нравственными образцами. Упомянутый уже Клобуковский замечает, что и в образе Полека Крывко, героя романа «Дыра в небе», также воплощен конфликт высоких идей с реальной жизнью — еще один пример того, как Конвицкий расколдовывает мир в своей прозе ^{Там же.}

Глубокая пропасть между помыслами и реальностью не означает, однако, что от этих идей и ценностей следует отказаться. Даже неосуществимые, они служат для общества своего рода моральным стержнем. Воспитанные на

их основе, люди способны строить свои личные иерархии и системы ценностей, стремиться к осуществлению конкретных целей, в свою очередь, воздействуя и на общество в целом. Судя по тому, что тема размыwania понятий и ценностей в современном мире звучит во всех книгах Конвицкого, эта проблема видится писателю одной из важнейших. Описываемая автором Долина, сохранившая свой провинциальный дух и автономность по отношению к Европе, оказалась последним форпостом четких норм. Это стало причиной ее постепенной гибели, поскольку цивилизация со всеми ее неизбежными последствиями добралась и сюда. Об этом говорит повествователь и герой «Малого апокалипсиса»: «И я вдруг почувствовал себя старым, но осознание этого вовсе меня не огорчило. Мой мир был более красочным, мир строгой иерархии, мир социальной несправедливости, мир жестокой борьбы за быт. И моя борьба была иной, и моя пассивность была иной. И падение как бы ниже, и взлеты как бы выше, я знаю, это самочувствие уходящего в небытие поколения. Я знаю, нынешнее время потребует от них ничтожности и величия, наверняка таких же, как и наши ничтожность и величие, хотя и приспособленных к масштабам будущего. Но, Богом клянусь, их мне жаль, а себя не жаль» Тадеуш Конвицкий, *Малый апокалипсис* : Пер. А. Ермонского. — М. : Радуга, 1995.

Бремя сознания

Подобно своим героям, Конвицкий всегда был индивидуалистом. Причины подобной установки — не пристрастие к романтическому уединению и одиночеству художника. Истоки мироощущения писателя следует искать в его текстах. Герои Конвицкого — люди, не вполне приспособленные к окружающему миру, поскольку они не способны закрыть глаза на повальную девальвацию ценностей и размывание нравственных норм. А примириться с этим они не могут после соприкосновения с пространством Долины, то есть миром, где присутствует четкая иерархия ценностей и четко разграничены понятия. Все это воздействует на сознание героев, заставляя их негативно оценивать окружающую реальность. Трагизм положения персонажей Конвицкого заключается в том, что возрождение системы ценностей невозможно без революции, но невозможно и возвращение в Долину — утраченный мир. Таков, очевидно, и опыт самого писателя, которому нравственные принципы не позволили идентифицировать себя с Варшавой. И все же есть основания полагать, что к столице Конвицкий не просто притерпелся, но в определенной степени и привязался, хотя его отношение к этому городу с трудом поддается определению. На протяжении большей части жизни Варшава была для Конвицкого домом, в своем творчестве он уделил ей массу внимания, пусть столица и виделась противоположностью мифологизируемой Долины. В Вильно писатель ехать не хотел, поскольку, подобно многим своим коллегам, считал, что это уже совсем другой город. Конвицкий не покидал Варшаву, ежедневно совершал прогулки, посещал одни и те же места. Все это, вопреки его собственным словам, свидетельствует о некоторой укорененности. Автор стал важной частью городского фольклора, а Варшава, в свою очередь, заняла в его жизни важное место.

Перевод Ирины Адельгейм